

Т

рехлетний карапуз семенил от лужи к луже, старательно шлепал зелеными сапожками по воде и кричал, радуясь сверкающим на

солнце брызгам:

— Лёп, лёп, лёп!

— Ах, ты «лёпа», опять весь вымок с головы до ног, — веселая мама подхватила его под мышки, подняла, поставила на асфальт, — айда штаны менять, «лёпа» эдакий...

Город лежал в междуречье, на границе мордовских и муромских лесов, словно в зеленой колыбели. Он утопал в липовых скверах, тополиных аллеях, сиреневых зарослях, слушал ночами гул корабельных сосен. Канюки и коршуны безбоязненно селились в пригородных лесах, совы ночами ухали за окнами в парках и скверах, лисы на рассвете приходили поживиться к мусорным контейнерам, а веснами лосихи приводили лосят прямо в городские дворы. Все как в любом другом среднестатистическом среднерусском городке — колоколенка в центре наполовину уцелевшего монастырского подворья, Дом культуры и домсо-шпилем сталинского ампира, Вечный огонь, стадион, пара кинотеатров, автоматы с газированной водой, сквер с фонтаном, в центре которого зимой и летом стояли легко одетые представители трех чело-

веческих рас, держа на вытянутых мускулистых руках железный земной шар; кварталы сталинок, окруженные хрущевками, рафинадный строй девятиэтажек, россыпь финских домиков и деревенский самострой частных домишек вдоль по окраине.

Но стоит уйти за город и пересечь лесные дебри, везде, куда ни направишься, вскоре набредешь на два ряда заграждений из колючей проволоки и контрольно-следовую полосу между ними. А если немного подождешь, то обязательно увидишь, как вдоль полосы пройдут автоматчики, у одного из которых на поводке неременная крупная чепрачная или серая восточно-европейская овчарка. Ждать, однако, не стоит: заметят — заметут...

Понедельник

В одно прекрасное свежее августовское утро ты просыпаешься, и вместо того чтобы радоваться жизни, вдруг с непонятной тревогой осознаешь — тебе уже за двадцать! Позади школа и пять лет, неизвестно куда подевавшихся, а что впереди — непонятно. То есть в том-то и дело, что как раз понятно — все то же.

В понедельник Лёпа поднялся с тяжелой головой и с мыслями о том, что все это будет тянуться до самой смерти. Яичница с колбасой на завтрак, завод, цех, рассольник в столовой, домино и глупые матерные анекдоты в перекуры. Ну, кино, ну, танцы, девчонки разболтанные, сразу понятно, какие из них жены получатся... Даже и думать не хочется. Ну, в санаторий в Судак на двадцать один день; в сентябре в деревню — деду картошку помочь убрать. И так до смерти? Грустно, товарищи, грустно, как сказал, кажется, А.П. Чехов. А даже если и не Чехов — какая разница, все равно грустно. И даже печально.

Бросив ключ под коврик у двери, Лёпа вышел из подъезда и побрел по не горячему еще тротуару нога за ногу. Однако на полпути вдруг вспомнил про Ленку и сразу повеселел. После тренировки ему идти к ней домой. С ночевкой. Первый раз.

С Ленкой их столкнуло совсем недавно на дурацком турслете, в котором добровольно-принудительно пришлось поучаствовать от предприятия. То есть, Лёпе принудительно. Ей-то эта комариная романтика как раз нравится.

Вечером, после соревнований, он тренькал на гитаре у костра и что-то там мурлыкал; а гитара на таких, как эта зеленоглазая, Лёпа заметил, действует, словно валерьянка на кошек. Вот и она подседа поближе, уставилась, улыбалась чему-то; пламя костра отражалось в ее влажных маляхитовых глазах.

Тут кто-то попросил Лёпу рассказать, как он Высоцкого хоронить ездил. А чего рассказывать, сел на поезд, да и поехал. Пугали, что из-за Олимпиады в Москву не пустят, но он не заметил, чтобы кого-то ловили и обратно отправляли. Нормально вышел с Казанского и добрался до места... Но вблизи Высоцкого, честно говоря, так и не увидел. Такая толпа собралась — не пробиться!

Все почему-то как в тумане было. Жара стояла страшная, река из живых людей текла по тротуару, а милиция смотрела, чтоб на проезжую часть не сходили. И голос его из каждого открытого окна. Лёпа как во сне был... Не помнил даже, как обратно до вокзала добрался, как в вагон сел.

С Ленкой они после того турслета стали встречаться каждый день. То на танцах в парке отдыха или в ДК, то в гостях у кого-нибудь, то на речке, на пляже, то бродили просто так по городу.

Она после школы устроилась на работу в парикмахерской, ученицей мастера, но летом поступила в здешний институт. В филиал МИФИ. Лёпа как-то спросил ее, отчего не в столицу. Она в ответ пожала плечами:

— Да мне без разницы, а мать считает, что наш городок все равно, что район Москвы. Даже лучше — здесь спокойнее.

Тут она права — с городом им, конечно, повезло. Могли бы родиться где-нибудь в Урюпинске или в Удоеве, или вообще в каком-нибудь Череззаборногадерищенске на краю болота... Вот уж вообще тоска. А тут все-таки город науки. Да еще секретный. Да еще с московским снабжением. Говорят, раньше даже прописка московская была. Но сейчас уже нет. Зато почти никакого дефицита. Разве что кофе... Считай, коммунизм в отдельно взятом городке. Другое дело, что ни друзей, ни родственников не пригласишь. Отец рассказывал Лёпе, что первые годы даже в отпуск за зону не выпускали. Если только на похороны или в санаторий. В общем, закрытый город — он и есть закрытый город.

И вот вчера они допоздна гуляли по парку, а когда добрались до подъезда, выяснилось, что мамаша ее уезжает в командировку, и, кося зеленоватым глазом, Ленка, как бы мимоходом, предложила:

— Завтра после работы приходи ко мне. На ночь. Только учти, я лошадка необъезженная.

— Да я, — не подумав, ляпнул Лёпа, — вроде не ковбой...

— Ишь ты, за словом в карман не лезешь! Придешь?

— Приду, конечно, только после тренировки. Пропустить нельзя, сама знаешь.

В общем, в цех под мысли о вечере Лёпа прискакал даже раньше, чем обычно.

Да, начинался этот понедельник не очень чтобы, но потом как-то разгулялось. До обеда Лёпа слонялся по цеху — заявок не было, и он то в курилку забредет, то во двор выйдет посидеть на скамеечке с мужиками, то на склад сходит. Тут главное мастеру на глаза не попадаться — эту работу всегда найдет. Заставит кабель мотать на барабан или грузить чего-нибудь пошлет, или еще что. Ближе к обеду прибежал из оформительского Агапит, попросил кусок цветного оргстекла согнуть. То есть настоящее — имя его Олег, но все Агапитом зовут — больно уж он похож на героя «Отроков во Вселенной». Агапит из оргстекла чего только не выделывает — и плафоны для настольных ламп, и замысловатые накладки для электрогитар, и приборы настольные. Как он их только из цеха выносит. А гнуть оргстекло сам не умеет. Ну, Лёпа это в два счета... Пока возились, и обед подошел.

В столовую отправились вдвоем.

— В столовке девчонка новенькая, посудомойка, — Агапит ткнул Лёпу локтем в бок. — Ничего себе такая, симпатичная.

Лёпа ее уже видел. Стройная, и личико симпатичное, но вот руки... Красные и шелушатся. Наверное, от горячей воды и соды. Или чем они там посуду моют? Жалко девчонку — кто на нее с такими руками позарится. Вот у Ленки руки — да, изящные, кожа гладкая. Вспомнив о Ленке, Лёпа даже подумал малодушно, может, пропустить тренировку-то. Разок. И само же себя осадил: нельзя!

Работать после обеда никогда не хочется. Как говорится, до обеда бороться с голодом, а после обеда со сном. Хочется развалиться на скамейке у ворот цеха под густыми липами, и смотреть, как воробьи дерутся из-за крошек, что народ с обеда принес для них да для синиц, да для почти ручных поползней. Хотя нет, поползней хлебные крошки не интересуют, этим подавай семечки подсолнечные. Он и присел было на зеленую изрезанную всевозможными глубокомысленными надписями скамью, но именно тут возникший из ничего мастер поманил пальцем — давай-ка сюда, бездельник, заявка поступила. И пришлось тащиться через полгорода в школьную столовую, ремонтировать отказавшую электромясорубку. До обеда это было бы хорошо: отремонтируешь, тебя здесь же и покормят даром. А если ты уже сыт, работать в пропахшей едой столовке — хуже нет.

Над мясорубкой провозились с напарником почти до пяти, и в цех мастер разрешил не возвращаться. Вообще-то, в ремонтном цехе все же лучше, чем, скажем, в токарном. Там с восьми до пяти, как привязанный — у станка, у станка... А тут свободней — можно иногда по пути на заявку и сгульнуть куды. Без наглости, конечно.

Дома было тихо и пусто: младшие братья все лето в деревне, а родители с работы вернутся позже. Бросив портфель с инструментом, Лёпа умылся, соорудил себе бутерброд с докторской колбасой и жевал его, запивая холодным молоком под бодрый голос из репродуктора. Диктор с воодушевлением вещал про Венецианский кинофестиваль, в котором примет участие советский фильм «Рассказ неизвестного человека».

Нарезая еще один бутерброд, Лёпа усмехнулся — вспомнил, как младший брат, посланный в магазин за колбасой, попросил у продавщицы вместо докторской лечебную. Сметя крошки со стола и убрав в холодильник молочную пирамидку, он достал из шкафа сумку с кимоно. Своей формой Лёпа тайно гордился, поскольку у всех в секции самошитые кимоно были из тонкой, легко рвущейся бязи, и только у него изготовленное по профессиональным выкройкам дядей-портным из крепкого, плотного и приятно шероховатого репса. Не считая, конечно, сэнсэя; у того — настоящее фабричное кимоно, привезенное аж из Питера...

— Ить... ни... сан... си... го... року... сить... кать... ку... дзю!

На «дзю» Лёпа в унисон со всеми выбрасывал руку или ногу с особенным резким выдохом через нос — «хм-м!» или с придушенным криком «киа!» Десятый удар должен был быть самым резким и мощным. Город, работа, дом, даже Ленка на время словно бы пропадали. На стене висел флаг школы шотокан с изображением кулака и иероглифами; с портрета на парней в самодельных разноцветных кимоно иронически смотрел Фунакоши, основатель школы шотокан. Здесь была особая зона, которая никак не пересекалась с обычной жизнью за окном.

Тренировка длилась три часа, за это время отдохнуть можно было лишь два раза; сэнсэй говорил «минута!» и ровно минуту можно было ничего не делать. Кто-то просто стоял, кто-то садился в позу лотоса, а кто-то валился на деревянный пол и лежал в изнеможении, пока не прозвучит команда на построение. Такие нагрузки выдерживал не всякий. А если учесть еще и обязательные спарринги, во время которых тебе могли захватить и кулаком, и пяткой практически в любое место... В общем, осенью в группу набиралось человек по сорок, а к Новому году оставалось порой меньше половины.

«Иты!» — правая нога плавным движением вперед, одновременно крепко сжатый кулак левой руки от пояса резко, с выдохом, выбрасывается на уровень солнечного сплетения. «Ни!» — правая рука от пояса взлетает по дуге вверх, защищая голову жестким блоком, «ударный» кулак возвращается к поясу. «Сан!» — левая нога вперед, вылетает правый кулак, левая рука к поясу. «Си!» — блок...

Ровный голос сэнсэя, шелест кимоно, хлопки широких рукавов в момент ударов, сдавленное «киа!» — все ритмично, слаженно, четко — это завораживает, погружает в какой-то транс; стоит втянуться — и уже почти перестаешь ощущать усталость, словно энергия всех передается каждому. И хотя к концу тренировок пот льет ручьями, силы откуда-то приходятся. Кто выдерживал три таких тренировки в неделю в течение полугода, из секции сам не уходил никогда. Другое дело, что могли и выгнать — дисциплина в школе была железная.

— Тут вам не комсомол, — говаривал староста группы Борис Собакин. — Тут все по-настоящему.

От стадиона до Ленкиного дома с полчищем хода. Если бодрым шагом и если через парк и висячий мост.

Лёпа любил гулять по вечернему городу не торопясь. Особенно в дождь. Идешь, дождик шуршит по асфальту, по листьям тополей и лип, серебрится в свете фонарей, пахнет травой и близкой речкой — хорошо. Лёпе казалось порой, что город — продолжение его квартиры, дома; все знакомое, близкое, сто раз хоженое, с улицы в переулок пройти — словно с кухни в комнату. Идешь, думаешь, мечтаешь о чем-то... Вот пройдет еще двадцать лет — что будет? Будешь ли идти по этой самой улице снова или другую улицу на краю света доведется топтать? И каким ты станешь тогда?..

Но сегодня Лёпа пролетел весь путь минут за пятнадцать, не видя ни лип, ни тополей, ни колокольни с антенной на макушке вместо креста, отражавшейся в темной воде реки.

Ленка открыла дверь, едва он нажал на кнопку звонка.

Мать у Ленки работает в горкоме партии. Секретарем по идеологии. И Лёпа, конечно, не их поля ягода, он понимает. Да и Ленка понимает, хоть и говорит, что ей все равно. У Лёпы дома две полки с книжками. А тут — целых четыре книжных шкафа — битком. Лёпа, увидев такое богатство, про все забыл. Столько книг в одном месте в обычной квартире Лёпа видел, пожалуй, только у Веры. Но у Веры мама — директор школы.

Лёпа трогал корешки, читал названия; некоторых авторов он знал, но большая часть была внове или слышал, но не читал. Одна тоненькая лежала поверх томов. Лёпа взял, прочитал вслух:

— «Один день Ивана Денисовича»... — Крикнул возившейся на кухне с чайником Ленке: — Интересная книжка?

Девчонка выглянула из-за дверного косяка:

— А, Солженицын? Вещь!

— Дашь почитать?

Ленка неожиданно замаялась:

— Понимаешь, Лёп, эту книжку нельзя из дому выносить. Она как бы... запрещена.

— А как же она у вас?

— Ну, мать же секретарь горкома.

Лёпа неожиданно для себя обиделся:

— Ну да, мы-то второсортные, малограмотные... Ненадежные, в общем...

Ленка помолчала, потом сказала:

— Бери, но только на два дня, к приезду матери вернешь. И никому не показывай, тут у них на днях какое-то ЧП приключилось. Очень серьезное. Так что она на взводе.

— А что за ЧП?

— Не знаю я, но что-то очень серьезное, она как раз по этому поводу и уехала в Горький.

— Лёп, а ты слышал про Черного человека? — спросила Ленка, когда они сели ужинать. — У нас в парикмахерской болтают невесть что.

— Слышал, — усмехнулся Лёпа, — да у меня сосед его видел! Дядя Коля. Шел после второй смены домой через низину, а он из кустов вышел. Дядя Коля говорит, так дернул, что сам не знает, как дома оказался. Я его расспрашивал, как и что, а он говорит, что и не помнит толком ничего, испугался сильно. Только что высокий — больше двух метров, в черном балахоне и глаза светятся.

— У нас в парикмахерской говорят, с какой-то площадки сбежал, эксперимент проводили, и вот получилось...

— Да у вас в парикмахерской наговорают. Не знаю, что это за тип, но не думаю, что тут мистика или еще что. Я бы вообще не поверил, если бы не дядя Коля, он в будни не пьет, да и вообще не врет.

— А что ж его не поймают?

— Анекдот помнишь про неуловимого Джо? Что, поймать не могут? Да кому он нафиг нужен... Рано или поздно выяснится.

— Да, наверное. А мне даже интересно, есть ли тут что-то потустороннее?

Ну такая вот она — Лёпина девчонка, все ей тайны, путешествия, мистика...

В спальне горел слабенький оранжевый ночник, делая комнату уютной и немного таинственной.

— Раздевайся, ложись, — кивнула Ленка на тахту, застеленную покрывалом «под тигра». — Я сейчас, только в ванную загляну. — И вышла.

Лёпа, прислушиваясь к гулу воды за открытой дверью, быстро сбросил с себя все и нырнул под покрывало. Плеск в ванной стих и через секунду в комнату вошла голая Ленка. Она картинно встала у косяка и, улыбаясь, посмотрела на Лёпу.

— Ну как, красивая я?

— Еще бы, — вполне искренне отозвался Лёпа.

— Если бы я не боялась, что тебя посадят за порнографию, я бы тебе попозировала на фото.

Она щелкнула выключателем, ночник погас, но сквозь шторы пробивался свет уличного фонаря и играл бликами на летней бронзовой коже девчонки. Кожу эту хотелось гладить и целовать, чем Лёпа немедленно и занялся...

Он, хоть Ленка и сказала, что кобылка необъезженная, был у нее не первым. Да и она у него была не первой.

Первый раз это случилось с Лёпой два года назад, в санатории. Он тогда собрался в свой первый отпуск, и в профкоме ему предложили пу-

тевку в Судак. Конечно, зима не самое лучшее время для Крыма, но очень хотелось увидеть не виденное с детства море.

Познакомились, кажется, на третий день. Собственно, это она пригласила его вечером на танец, ну и...

Он плохо помнил, что тогда было. Хмельные дни и ночи пролетали мимо сознания. Сырая зимняя набережная, соленый ледяной ветер, терпкое вино в сумрачной «Бочке» под вечной генуэзской крепостью, зубчато зависшей над поселком.

Она была заметно старше, все время смеялась и подшучивала над Лёпой, а когда садилась в автобус до Симферополя, плакала. Но адреса не попросила. И своего не оставила...

Ленка уснула, прижавшись к нему горячим боком. За окном неестественно зеленела лохматая липа в подрагивающем неоновом свете фонаря, иногда проезжала запоздалая машина. В ночной законной тиши Лёпа услышал далекий гул взрыва. Оконные стекла отозвались тоненьким дребезгом. На одной из лесных испытательных площадок взорвали очередной заряд. Вот бы интересно посмотреть, как это у них там — уже засыпая, подумал Лёпа.

Вторник

Тонкий солнечный луч медленно полз по подушке. Вот он коснулся щеки, согрел ее, переполз на веко. Зеленый затуманенный глаз открылся, и Ленка, приподняв голову, оглядела разметавшегося во сне Лёпу. Что-то тепло отозвалось в низу живота, и Ленка принялась легонько кусать Лёпу за ухо. Лёпа открыл глаза и улыбнулся...

В цех вбежал запыхавшись. Успел. А торопиться-то и не стоило. Мастера вызвали в Управление на какое-то срочное совещание, и народ слонялся без дела. Говорили, что мастеров и начальников других цехов тоже погнали на совещание и что случилось что-то «из ряда вон». Ну, случилось и случилось, нашим легче; Лёпа вышел под липы и, достав из портфеля книжку, через минуту уже слышал повист вьюги, скрип снега под ногами серой колонны в ватниках, хриплые голоса надзирателей, и даже морозец вроде пробежал меж лопатками...

Ближе к обеду из оформительского прибежал Агапит:

— Лёпа, тебя к телефону... Вера.

Странно, Лёпа давал ей свой рабочий, но не ожидал, что Вера ему позвонит.

Оказалось, закоротило утюг, и в результате вырубился свет во всей квартире. Вера позвонила в ЖЭК, но там ей ответили, что электрик сможет подойти только к вечеру.

Быстрым шагом до Вериного дома минут десять, прикинул Лёпа и решил у мастера не отпрашиваться. Вряд ли его за полчаса до обеденного перерыва хватятся.

Лёпе нравилось бывать у Веры. Были они ровесниками, учились в одной школе, в параллельных классах, но Лёпе казалось, что она старше. Как-то в школьной библиотеке Вера увидела, как Лёпа листает журнал «Знание — сила» и сказала:

— Оригинальный журнальчик. Ученым стать хочешь?

— Не-а, — чего-то засмутился Лёпа, — тут про природу, про животных иногда интересно пишут.

— А-а, природу любишь, — улыбнулась Вера, — Сетона-Томпсона читал?

— Читал.

— А Джеральда Даррелла?

— Конечно.

— А Фарли Моуэта?

— Не-ет. А кто это?

— Канадский писатель. Жил среди волков и написал про них книгу

«Не кричи: «Волки!»

Книжки этой в школьной библиотеке не оказалось, и Вера принесла ему ее из дому. Не сказать, что они очень уж подружились, но приятельские отношения у них завязались. Вера «подкармливала» Лёпу интересными книжками из домашней библиотеки, а чем он был ей интересен, он и сам не понимал. Мама у Веры директор школы. Не той, в которой они учились. А отец большой начальник в Управлении, в Красном доме, как его все называли в городе. Вера не чванилась, познакомилась даже с Лёпиной компанией, несколько раз приходила посмотреть их тренировки в секции каратэ. Вообще-то, посторонних на тренировки не пускали, но отец сэнсэя тоже был из Красного дома, так что...

Все в квартире Веры было просто, но как-то... солидно, что ли. Все к месту, все удобно.

Правда, вот семь слоников на пианино казались Лёпе не к месту. Не интеллигентские слоники.

— Слоники — это же мещанство, — так он и сказал однажды.

Вера в ответ усмехнулась:

— Мещанство не в слониках и вообще не в вещах, а в самом человеке, в его отношении к вещам. Этим слоникам знаешь сколько лет? Они маме от бабушки достались. Дореволюционные слоники.

Сняв в прихожей ботинки и отказавшись от тапочек, прошел в комнату, подмигнув по пути желтоватым от времени слоникам, и взял утюг. Ну, конечно, матерчатая оплетка провода перетерлась и измахрилась, а резиновая растрескалась. Медные жилки выглядывали из оплетки, одна из них почернела. Ну, да — «коза», короткое замыкание. Лёпа пошел к счетчику, вывернул пробки.

— Новые есть? — спросил он у наблюдавшей за ним Веры.

Вера порылась в тумбочке, в ящиках комода:

— Кажется, нет.

— Ну, поставлю пока «жучок», — Лёпа покопался в портфеле, отыскивая подходящую проволочку. — Но нужно купить пробки и заменить.

Потом он занялся утюгом. Зачистил обгоревшие концы, плотно прикрутил их к клеммам и тщательно замотал синей изолянтной. Потом подтянул оплетку и закрепил ее черной — в цвет шнура — изолянтной.

— Как новенький! — сказал он Вере и воткнул (Вера зажмурилась) вилку в розетку. — Готово, работает...

Вера хотела накормить его обедом, но Лёпа отказался. Сказал, что торопится, на самом же деле постеснялся. Один раз он обедал здесь и до сих пор помнил чувство собственной неполноценности. Все было не так, как дома. Первое наливали не из кастрюли, а из специальной супницы, рядом с приборами лежала салфетка, с которой он не знал что делать. Тарелку, доедая суп, наклоняли не к себе, а от себя, и чего уж говорить про нож и вилку... В общем, это был не обед, а мучение.

Вот странно, все говорят про равноправие, про то, что при социализ-

ме все равны. Но какое же равенство, если даже обедают все по-разному. Не говоря уж о том, что у Вериного отца бежевая «Волга», а у Лёпиного отца — мотоцикл «Иж» с коляской. Или вот Ленкиной матери можно читать Солженицына, а ему, Лёпе, нельзя. Конечно, Лёпе живется значительно лучше, чем какому-нибудь негру его возраста где-то в Оклахоме, тут спору нет, но все же...

В обеденный перерыв за Лёпой заехал на «Рафике» Леня-Челюсть. В салон уже набилась вся компания, включая Колесика и Наташку. Лёпе сунули в руки бутылку молока и полбатона с куском колбасы:

— Ешь по дороге, купаться поедом на Варламовку, — свою порцию «обеда» Колесик уже доедал.

«Рафик» весело бежал по шоссе, промелькнули окраинные девятиэтажки, потянулся густой хвойный лес с узкими прямыми просеками, ведущими к закрытым площадкам. Дорога вела на выезд из города в сторону Мордовии, к КПП, а на полпути как раз и расположилось небольшое лесное озерцо. Вообще-то, это было не озеро, а пруд. Его давным-давно соорудили монахи. Отец, помнится, рассказывал, что здесь, на берегу Варламовки, жил знаменитый монах — то ли Назарий, то ли Герман, который потом уехал и стал православным проповедником на Аляске. Откуда это стало известно отцу, Лёпа спросить как-то не догадался. А вотклады, спрятанные монахами в монастыре, они в детстве искали, облазили все закоулки, галереи и «ходы», которые только смогли обнаружить. В одном из таких «ходов» — видимо, в печном дымоходе — Лёпа однажды застрял, напугавшись до полусмерти и напугав тогдашних своих дружок — Игоря и Васю. Странно, думалось Лёпе, вот были друзья не разлей вода, а потом вдруг незаметно раздружились. И не ссорились, не ругались, просто перестали встречаться непонятно по какой причине.

— А говорят, там, в Варламовке, вода с радиацией, — сказал осторожный Саня. — Там же грязная площадка... Вроде бы даже рыбу двухголовую вылавливали...

— Ну и что? — засмеялась Наташка. — Тебе, например, вторая голова не помешала бы.

— Тебе самой и три мало... — огрызнулся Саня.

— Вранье все это, — подал из-за руля голос Леня-Челюсть, — у меня там батя всю жизнь работает, у них специальные очистные есть и все уходит в другую сторону, в заповедник.

Лёпа вспомнил деревенские разговоры о городе. Мол, все там — и заводы, и лаборатории, и даже аэродром — под землей, везде радиация, поэтому и зарплаты немислимые.

Никаких подземных аэродромов и заводов здесь, конечно, не было, а вот зарплаты хоть и не немислимые, но хорошие, да еще к ним двадцать процентов «зональных» приплачивают. Как бы за неудобство проживания за колючкой.

В прозрачной, с приятной зеленцой воде было хорошо остывать от августовского зноя. Лёпа отплыл чуть в сторону, набрал полную грудь воздуха и, нырнув, ухватился за донную корягу. Он принялся считать — один, два, три... Воздух рвался из легких, сердце начинало стучать в висках. На пятидесяти Лёпа вынырнул, недовольно отфыркиваясь. Меньше минуты — мало. Он снова глубоко вдохнул и, нырнув, с открытыми глазами поплыл к купающимся. Ближе к пляжу вода слегка помутнела, но

он увидел среди множества белых двигающихся ног стройные ноги Наташки. Он хотел было ущипнуть ее за круглую ягодицу, но, вспомнив про Ленку, передумал и вынырнул прямо перед ней, слегка испугав.

— Фу, ты, водяной! — брызнула в него Наташка. — Опять ныряешь!

Лёпа вышел на берег, нужно было обсохнуть до отъезда. Он отошел за ежевичник, тянущийся вдоль берега, и, сняв трусы, хорошенько отжал их.

Здрав голову и зажмутив глаза, постоял под пробивающимися через сосновые кружева солнечными лучами, и ему вдруг представилось, как по тропке бредет в черной рясе согбенный старый монах. Вот сосны те же, озеро то же, песок, а где он — монах, уехавший на Аляску, вспоминал он потом эти сосны и это озерцо?

Лёпе нравилось здесь, нравился этот лесной, настоящий на сосновой смоле, горячем песке и зацветающей воде, дух. Хорошо, нанырвавшись вдосталь, броситься грудью на горячий песок, закрыть глаза и слушать крики купающихся, плеск воды, плотный гул леса; или, повернувшись на спину, смотреть и смотреть, как в сатиновом, отцветающем к осени небе плывут ватные белоснежные облака. Куда плывут, откуда... Нет для них ни КПП, ни колючей проволоки, не страшны им остроухие восточно-европейские овчарки...

На обратном пути Саня с Юрцом заспорили про Жана Татляна. Юрец утверждал, что Татлян француз, имя-то французское, а Саня говорил, что еврей. Никто, конечно, толком не знал, и спор был глупый, но весь «Рафик» включился в свару, пока Наташка не сказала:

— Чего вы спорите, дурачки, — армянин он. А родился в Греции.

— Как это, армянин — и в Греции, и откуда ты знаешь?! — вскинулся Юрец.

— От верблюда! У мамки журнал был, где про него было написано все. И пластинок куча. Это сейчас он запрещенный, а тогда, десять лет назад, знаменитый был на весь СССР, пока во Францию не уехал.

— А чего он уехал?

— Не знаю, говорят, зажимать стали...

Тут опять заспорили. Правильно зажимают или неправильно. Колесик был категоричен:

— Этих диссидентов нужно всех за шиворот и — нафиг из страны! Не нравится — другим не мешай.

Эх, Малыша здесь нет, улыбнулся про себя Лёпа, вот бы сцепились! Малыш говорил: я за советскую власть, но без легавых и начальников, и чтоб за границу ездить можно было всем, а не только избранным. Но бывший Лёпин одноклассник Миха Малышенко в эту компанию почему-то не вписывался.

Когда уже подъезжали, не споривший Леня-Челюсть очень кратко подвел дискуссии итог, сказав:

— Предатели. Денег больше хотят и все. Вон Высоцкого тоже зажимали, а он не уехал, несмотря на Марину Влади.

В цеху Лёпу уже ждал Агапит с очередной поделкой. Заявок не было, и Лёпа принялся помогать приятелю.

— Лёп, а давай за Черным человеком охотиться, — предложил заглядывающий через плечо Агапит. — У меня бинокль есть, устроим засаду. Он ведь в основном в нашем районе появляется, вчера опять кого-то до полусмерти напугал. Можно, например, на крыше тира засесть.

— Ты как маленький, может, еще за привидениями поохотимся?

— Вот ты не веришь, а привидения существуют, — обиделся Агапит. — Просто ученые пока зафиксировать не могут. И объяснить. Ну не хочешь — и не надо, я Миху-Малыша позову, он пойдет.

Кстати, о Малыше, подумал Лёпа, не забыть после работы забежать к нему за нунчаками.

Малыш выточил нунчаки из бука, отполировал, и зализанную шестигранную поверхность боевых палок приятно было ощущать ладонями. Скреплены они были сыромятным ремешком.

— Прочные? — спросил Лёпа, осматривая места крепления ремешка. Узлы казались надежными.

— А то, — отозвался Малыш, — фанеру-трехслойку пробивают, я попробовал, никаких сколов и ремешок не протирается. Будь спок.

Лёпа вышел на середину комнаты, посмотрел, не заденет ли люстру и принялся крутить нунчаки, ускоряя их пропеллерное вращение почти до прозрачности. Завтра на тренировке ребятам покажу, думал он, не хуже, чем у сэнсэя...

— Классная штука, — покачал головой Малыш, — нужно, пожалуй, и себе такие сделать. Научишь?

— Запросто.

— Слушай, пакеты не нужны? — спросил Малыш, когда Лёпа собирался уходить. — Смотри, есть с цветами, с «Мальборо», с Парижем и с джинсовой задницей.

Лёпа знал, что Мишкин брат фарцевал, и хотя в душе дела этого не одобрял, иногда все же пользовался возможностью прикупить дефицита. Именно так у него появилась пластинка Высоцкого, выпущенная в Болгарии.

Пластиковые пакеты в городе появились недавно и были «последним писком». Оно и понятно — одно дело с авоськой идти, а совсем другое — с ярким красивым пакетом.

— Почему?

— Вообще, по пятерке штука, но тебе за трешку отдам.

— Беру вот этот с джинсой, трешку потом отдам, нет с собой.

Подарю Ленке, решил про себя Лёпа.

Ленкина мамаша вернулась из Горького раньше, чем планировала, и Лёпа наотрез отказался идти вечером в гости. На Ленкины уговоры отвечал:

— Что за смотрины?! Не кони гоней, успеем еще познакомиться. Давай лучше в кино сходим, в «Октябре» «Территория» идет, я книгу читал — мне очень понравилась, про геологов, золотоискателей.

— Читала. Олег Куваев, да, хороший роман.

Ленкиной матери Лёпа не то чтобы побаивался, а как-то не понимал, как себя с ней вести. Отец, хоть и сам бригадир, нет-нет да и скажет: «Поближе к кухне, подальше от начальства». Вот задаст она ему какой-то каверзный вопрос, а он и не найдет, что ответить. Не хотелось перед Ленкой простаком выглядеть.

В кино они не пошли, просто бродили по городу, ели мороженое в кафешке, потом сидели у реки. Ленка снова завела разговор про Черного человека; будто бы какого-то дядьку после встречи с ним увезли на «скорой» с сердечным приступом. А Лёпа рассказал про совещание, на кото-

рое утро гоняли начальство из цеха. Решили, что это из-за того самого ЧП. Но что за ЧП, Ленка не знала.

— Мать ходит злая, — пожаловалась она. — Бурчит что-то под нос, но ничего не рассказывает, узнаешь, говорит, когда время придет.

Прощаясь, они долго целовались в подъезде. Лёпа трогал девчонку и задыхался от нежности.

— Мать скоро в санаторий уедет, — отрываясь от Лёпы, пробормотала Ленка. — Вот тогда...

Словно пьяный, он бродил по улицам, не узнавая их, и потихоньку успокаивался.

Совсем уже поздно Лёпа забрался на чердак. И, как и ожидал, при жиденьком огоньке свечи увидел там всех: и Колесика, и Папулю, и Санька, и Юрца, и Малога... Сидели вокруг положенной на кирпичи двери и слушали Наташку — спортсменку и красавицу, непонятно отчего якшавшуюся с дворовой шпаной. А та вещала о том, что в городе разоблачили молодежную подпольную организацию «Феникс».

— Всех повязали! — сверкая глазами, энергично сипела Наташка. — И главное, все — дети научников! И все — комсомольцы! Из рабочих только один паренек, и то ему так голову запудрили... Говорят, теперь их посадят, а родителей, несмотря что заслуженные, из города — в двадцать четыре часа...

Лёпа слушал и не верил. Но мамаша у Наташки работала бухгалтершей в Красном доме, где сидело начальство, и знала все. В голове не укладывалось: как это — в Советском Союзе, в секретном городе, комсомольцы и — такое!

На двери, застеленной газетами, стояла бутылка портвейна, валялись плавленные сырки «Дружба» и распечатанная пачка печенья. Кто-то затянулся сигаретой, и Наташка брезгливо замахала ладошкой.

В Наташку Лёпа когда-то был влюблен. Жила она в соседнем подъезде, была легкой и шустрой, как мальчишка; и все лето после третьего класса, когда она появилась в их школе, Лёпа рыскал с ней по чердакам и подвалам окрестных домов в поисках неизвестно чего. Им хватало друг друга и тех игр, что они сами выдумывали, начитавшись Конан Дойла и Купера.

Странная штука — любовь. То тебе нравятся рыженькие и полненькие, то вдруг совсем наоборот — худенькие и черненькие...

И тут Лёпе подумалось: детство кончается, когда приходит первая любовь. Вот только что Наташка была обычной соседской девчонкой, а жизнь была легка и беззаботна. И вдруг... И ведь Наташка знала, что она красавица. Как-то догадалась, поняла, что выбор за ней. И сразу все изменилось. Уже и в голову не приходило подбежать к ней, хлопнуть по спине и крикнуть: «Натаха, айда купца резать!» — и бежать сломя голову к речке, сбрасывая на ходу футболку, трусики и полукеды, чтобы с маху врезаться в прохладную воду и — наперегонки.

Наташка взрослела на глазах, обгоняя соседских пацанов-сверстников. У кого она научилась так тонко-иронично улыбаться? Эта улыбка моментально указывала тебе на твое законное место — пацан!

Однажды она принесла во двор «голые карты», то есть карты, на которых королей, валетов и дам изображали голые люди. «Тебе еще рано» — с улыбочкой сказала она, когда Лёпа сунулся было посмотреть.

Это было безнадежно. Она нацелилась на взрослую жизнь, она мети-

ла в актрисы или, на худой конец, в манекенщицы. Мы же друзья, говорила она, если Лёпа обижался, и от этого было только хуже...

А потом вдруг все прошло, как рукой сняло. Ну да красивая, ну да спортсменка — ну и что? Вот Ленка не такая уж и красивая, а от нее мурашки по телу...

Да, любовь вообще темная история. И до тюрьмы довести может, а то и до смерти. Тут Лёпе вспомнилась та недавняя история с убийством. Странная история...

Его старший двоюродный брат Коля любил соседскую девчонку Аню. Оба они учились в ПТУ. Сначала Аня гуляла с Колей и думала, что это серьезно, но однажды на танцах в городском ДК она познакомилась с Женей, и Женя стал иногда приглашать ее на свидания. Женя только что закончил десятый класс спецшколы и поступил в институт. После того как она побывала на дне рождения Жени в его доме — симпатичном коттедже на тихой зеленой улице, Аня окончательно поняла, что ей нужен только он — Женя, и никто больше.

Коля был сильный, спортивный, и Ане это нравилось. Но Женя очень стильно одевался, и родители у него были не из простых. Папа — ученый, мама — врач. У Коли и у Ани родители были как раз из простых. Правда, мама у Ани работала в магазине, и Аня тоже неплохо одевалась. И у них даже был цветной телевизор, чем из всего трехподъездного Аниного дома могли кроме них похвастаться только жильцы из пятнадцатой квартиры.

— Коля, конечно, ничего, — соглашалась с Аниным выбором лучшая подруга Люся, — но Женя — это другой уровень, понимаешь? Совсем другой уровень.

Аня, конечно, понимала. Она старалась, она усиленно работала над собой, над манерами, следила за речью. А в окружении друзей из ПТУ это было нелегко.

Коля очень сильно разозлился. Как-то раз он подстерег Аню и Женю на городском пляже и полез в драку. Женя на вид был слабее Коли. У него не было таких бицепсов, да и ростом он был пониже, но побить его Коля не смог. Оказывается, Женя ходил в секцию дзюдо. После короткой схватки Коля оказался лежащим на песке и песком же отплевывавшимся, а Женя сидел на нем и выкручивал его руку с бесполезным бицепсом. Конечно, Женю могли побить друзья Коли, это был их пляж, но Коля не позволил.

Все лето Аня и Женя были вместе. В августе родители Жени уехали в отпуск в Ялту, и он пригласил Аню к себе домой. Они пили вино, ели мясо, приготовленное Женей на мангале во дворе коттеджа, и Аня осталась ночевать. Утром они побежали на речку и, купаясь, он подхватывал ее на руки и целовал мокрую кожу. Будущее рисовалось Ане очень радостным и светлым. Правда, Женя не часто приглашал ее в гости, и только с компанией, но Аня надеялась, что скоро все изменится.

Осенью в ПТУ она встретилась с Колей. Они постояли, поговорили об общих друзьях, кто где был летом, кто чем занимался. И разошлись.

Пришла зима, и Ане казалось, что Женя уже должен бы был предложить ей выйти за него замуж. Но он не предлагал, а сама она никак не решалась об этом заговорить. Встречаться они стали гораздо реже, Женя очень уставал в институте. Иногда они встречались в пляжной беседке. Когда наедине, когда в компании. Когда встречались в компании, пили портвейн; когда наедине, Женя с веселым, пугающим Аню хлопком, открывал шампанское.

Как-то так вышло, что Женя подружился с друзьями Коли, и как раз там, в пляжной беседке, они порой выпивали и веселились. Колины друзья научили Женю играть в карты, а Женя доставал для них кое-какие вещи. Да и портвейн, как правило, покупал Женя.

Женя еще несколько раз приглашал Аню к себе домой, и у них было еще несколько замечательных ночей. На Новый год он уехал с родителями в Прибалтику. Праздник Аня отмечала в старой Колиной компании. Сначала Аня опасалась, что Коля станет выяснять отношения, но нет, Коля не стал, праздник вышел веселым, и Аня даже на некоторое время перестала грустить о Жене.

Но на прощание, помогая Ане в прихожей надеть пальто, Коля вдруг без всякой злобы сказал:

— Он на тебе не женится.

— Женится, — с безмятежной улыбкой ответила Аня. — Когда кое-что узнает.

Но вышло совсем не так, как она надеялась. Женя вовсе не обрадовался, не подхватил ее на руки и не стал радостно целовать. Он побледнел, нахмурился и сказал:

— Нужно сделать аборт.

Ослушаться она не смогла. Женин папа отвез ее в Москву, и там все случилось. Аня плакала и не знала, что будет дальше, она совсем потерялась. Женя пропал. Потом выяснилось, что его перевели в московский институт. Стало ясно, что Коля был прав. Хорошо еще, что старая компания поддержала. Они ходили в кино, на танцы в ДК, сидели в заметенной снегом пляжной беседке, пили дешевый портвейн, болтали, курили, смеялись.

— Жаль, что все так получилось, — сочувствовала подружка Люся. — Но Коля-то ведь тебя любит...

Но Ане ничего не хотелось. Совсем ничего. Иногда она приходила на пляж одна, забиралась в беседку и подолгу сидела там на заснеженной скамейке без всяких мыслей, пока холод не прогонял ее.

Незаметно подкралась весна. Однажды во дворе своего дома Аня столкнулась с Женей. Он ждал ее. Аня забыла, куда собиралась. Они молча пошли по весенней улице. Солнце било в блестящие окна домов, сирень кружила голову, первые ласточки с криками носились меж проводов...

Сами не заметив как, они добрались до пляжа, пройдя по холодному песку, забрались в облупленную, не отошедшую еще от зимы, беседку и долго сидели там, глядя на рябющую воду реки.

Потихоньку отношения восстановились. Они снова гуляли вместе, Колина компания вслед за Аней простила Женю. Правда, осторожная Люська наставляла:

— Пока предложение не сделает, на ночь не оставайся. ЗАГС или никаких!

А в августе случилось то, о чем потом долго гудел весь город. Но никто ничего не знал достоверно. И не узнали — ни родители, ни следовательно, ни судья...

Однажды утром в пляжной беседке нашли мертвую девушку. Это была Аня. Ее убили ножом, и нож нашли тут же, неподалеку.

Удалось выяснить, что ночью в беседке шумно веселилась компания. Но кто там был — так и не узнали. Допросили всех друзей Ани, но ничего не узнали. Один раз на допрос вызвали и Женю. К следователю он хо-

дил вместе с отцом. Это, конечно, было не по правилам, но следовательно не стал возражать. В тот же день Женю отправили в Москву.

Дело было темное, но, в конце концов, выяснили, что похожий нож видели у Коли, да к тому же и алиби у него не оказалось, и его арестовали. Но он молчал. Просто молчал и все.

Понятное дело, по городу поползло множество слухов, один невероятнее другого. Самые популярные, что Аню убили из ревности и что ее проиграли в карты.

Аню похоронили, Женина семья уехала из города, Колю судили и посадили...

— И чего им не хватало-то?! — Наташкин голос заставил Лёпу очнуться от воспоминаний. — У всех родители богатенькие буратинки, в коттеджах живут... Говорят, к Сахарову в Горький ездили, Че Гевару конспектировали... Оружие из тира сперли...

— Че-то я не понял, — высунулся Юрец. — Ну, винтовку сперли — ладно, и к Сахарову ездить, конечно, на хрен не нужно было. Но Че Гевару-то они инспектировали...

— Конспектировали! — тут же поправила Наташка.

— Ну, конспектировали — тут-то чего плохого? Че Гевару же, а не Гитлера... Он же, Че Гевара, революционер, друг СССР, я сам в «Советской России» читал. Погиб в бою, в Аргентине...

— В Боливии, кажется, — снова влезла Наташка.

— Какая разница, что-то не сходится...

Да, как-то не все в этой жизни сходится, подумал Лёпа. Вот и с Сахаровым — та же история... Коттедж знаменитого, но опального академика, придумавшего на страх американцам водородную бомбу, прятался в зарослях сирени совсем недалеко от Лёпиного дома, и отец рассказывал, что несколько раз ему доводилось видеть Сахарова по дороге на работу. Академик любил иногда свежим летним утром пройтись до Красного дома пешком. Он шел по тротуару, а метрах в десяти за ним шли двое в темных костюмах — плечистые и внимательные, а еще чуть сзади ползла «Волга». Про Сахарова в городе вообще ходило множество баек. О том, как он, оставшись в доме один, — жена уехала в отпуск, — пытался пожарить сухие неотваренные макароны, как завязывал сразу два галстука или выходил из дома в ботинках разного цвета. Отцов приятель, местный поэт с научным именем Гелий, рассказал однажды за кружкой пива, как его знакомый инженер пожаловался по случаю Сахарову, что никак не может накопить на «Москвич», и Сахаров тут же одолжил тому денег и сразу же об этом забыл. Инженер, правда, долг потом удивленному академику вернул. В общем, говорили о нем, как о безобидном и добром ученом-чудаке. И как случилось, что он стал вдруг диссидентом, было совершенно непонятно. Впрочем, у Лёпиного соседа — дяди Коли — на этот счет было особое мнение: «Жена-еврейка его с толку сбила».

Помолчали. Пустили по кругу бутылку; Наташка, конечно, отказалась. В открытое слуховое окно виднелись яркие звезды и доносилась с танцплощадки очень популярная песенка «Арлекино».

— Фигня! — сказал вдруг из темноты Колесик. — Лучше Пугачевой эту песню никто никогда не споет. А этим «фениксам» так и надо... Сынки научников — бесятся с жиру.

Мелкими глотками они пили противный портвейн, заедали сырками и прислушивались к танцплощадке. За чернотой слухового окна угады-

валяся засыпающий город, дальше — завод, еще дальше — секретные площадки, колючая проволока с сонными солдатами и бодрыми овчарками, а еще дальше, за мордовскими лесами с многочисленными лагерями, — огромная, бескрайняя страна, где даже в самом глухом уголке всегда найдешь для души и тела портвейн и плавленные сырки «Дружба».

Среда

Открыв глаза, Лёпа какое-то время лежал не двигаясь. Солнце играло пестрой тенью сирени на светлой стене, за окном слышался гул просыпающегося города, голос молочницы слабо доносился с соседней улицы: «Малако-о!» И все же его не оставляло ощущение нереальности, словно это был сон во сне. Ты проснулся, поднялся, идешь куда-то, а на самом деле спишь, но осознаешь это, только когда по-настоящему проснешься. Неужели снова началось? Лет в тринадцать Лёпе вдруг начал сниться «многосерийный» сон. Едва он касался головой подушки, как оказывался в другой жизни. Там, в том сне, был тот же город, та же школа, родители, друзья. Но были и люди, которых в реальной жизни не было. Там все казалось настоящим, очень будничным. Он даже спал во сне и во сне сна — летал. Жизнь «здесь» и жизнь «там» шла по одним и тем же законам, с одним течением времени и периодичностью событий.

Сначала Лёпе все это казалось странно интересным. Он даже рассказал о необычном сне своим закадычным друзьям, на что ему было авторитетно заявлено, что «так у всех бывает». А Юрец поведал о том, что ему уже год время от времени снится один и тот же сон. Лёпе интересно стало: что произойдет в новой «серии»? Но ничего особенно выдающегося не происходило. Лёпа «там» учился, гулял, дрался, читал, попадал в неприятные и в приятные ситуации, ездил зайцем на обшарпанном автобусе За, ходил на «Неуловимых мстителей», обменивался марками с Юрцом и мечтал о собаке. Чего не хватало его сознанию — или подсознанию? — в этой реальности, если оно сконструировало параллельную жизнь, — не понять. Однако вторая «сонная» жизнь все длилась и длилась, и Лёпа даже стал к ней привыкать.

И вдруг однажды он с ужасом осознал, что временами стал путаться, где явь, а где сон. Утром, открыв глаза, порой мучительно пытался понять: проснулся он или заснул? Ведь поначалу, проснувшись, Лёпа не сразу понимал, что видел сон, а во сне о реальной жизни не помнил. Порой в школе, задремав на очень уж занудном уроке, пригретый горячим апрельским солнышком в широком окне, Лёпа вздрагивал в холодном поту, потеряв ощущение места и времени: где он — «там» или «здесь»? Он встречал на улице человека и знал, что знает его, но никак не мог вспомнить, кто он. Или еще хуже — в «сонной» жизни Лёпа с человеком хорошо знаком, даже дружен, а наяву тот, встречая Лёпину улыбку, удивленно поднимал брови. Иногда посреди какого-нибудь дела или разговора с друзьями Лёпа испытывал сильнейшее ощущение дежавю, понимая, что все это уже было. Во сне? Иногда в такие моменты Лёпа заранее знал, что скажет сейчас человек, что ему ответят, что случится — упадет ли ложка на пол или пропорхнет в окне голубь. А временами, как ни пытался вспомнить, что будет дальше (например, какая выйдет оценка за сочинение), — никак не мог. Часто во сне Лёпу настигали воспоминания из реальной жизни, которые он воспринимал как запомнившийся сон.

В какой-то момент Лёпа испугался — почувствовал, что эта «двойная

жизнь» сведет его с ума. Посоветоваться было не с кем. Как рассказать об этом родителям, он не имел понятия, подойти к учителю — немыслимо. Да и боялся он, что к нему приклеится кличка «псих». У него появилось ощущение, что он тонет... Кончилось все совершенно неожиданно. Однажды во сне Лёпа вдруг четко и ясно осознал, что это сон. И ощущение это оказалось таким тягостным, что он как будто страшно постарел.

Был поздний вечер. По безлюдным улицам города Лёпа пошел к ближайшей девятиэтажке. Не встретив ни одного человека, по пахнущим кошками лестничным пролетам поднялся на последний этаж. Люк на крышу оказался незапертым. С замиранием сердца поднялся на крышу, подошел к краю и взгляделся в город. Нет, это не настоящий город. Все правильно, все улицы знакомы, все дома на месте. Вон желтый дом со шпилем, вон сиреневый сквер с фонтаном и трехфигурной скульптурой «Дружба народов» с проволочным земным шаром на вытянутых руках, вон стадион... Но что-то не так, не так, не так...

И Лёпа шагнул вперед; но, уже проваливаясь в пустоту, вдруг заledenел в ужасе: а вдруг это не сон!? Дыхание остановилось вместе с сердцем, крик застрял в глотке. От ощущения беспредельного ужаса непоравимой ошибки Лёпа и проснулся... Но с того дня все закончилось — странные сны больше не тревожили его.

Потом, став постарше, Лёпа думал иногда, что неправильно распорядился случаем. Что мог бы, пожалуй, с умом подойдя к делу, прожить две полноценных жизни вместо одной. Ведь жизнь во сне можно было бы превратить в полигон, в тренировочный лагерь... Но сейчас, когда это странное ощущение вернулось, Лёпа испугался. Нет, ему не хотелось бы снова пережить это странное раздвоение.

Тут он глянул на циферблат будильника и подскочил, словно ошпаренный, — времени осталось как раз добежать до цеха. Лёпа заметался, натягивая брюки, кусая на ходу батон и захлебывая его молоком прямо из пакета, приглаживая расческой непослушные вихры. Доставая из-за двери портфель с инструментом, он задел коленкой станину швейной машинки «Зингер» и зашипел от боли. «Р-р-размечтался!» — ругал он себя, выбегая из квартиры.

В цеху только и было разговоров про «Феникс»; с оглядкой, втихомолку, по углам, в курилке, на скамеечке под липами обсуждали небывалое ЧП. Слухами делились самыми фантастическими. Мол, ребяташки не только обезоружили часовых и отняли у них автоматы, но и захватили ядерный реактор на одной из площадок. И будто бы направили ультиматум самому генсеку Брежневу. И будто бы обнаружена целая сеть ячеек по всем предприятиям и организациям города. Все это было так неожиданно и невероятно, что непонятно было, что и думать. Главное, неясно — зачем? Чего хотели? Вроде бы возврата к ленинским идеям, к справедливости, ну и всякое такое. В общем, новую революцию хотели. Начитанная кладовщица Анна Степановна отреагировала на разговоры о революциях очень просто:

— Молодые еще, живут на всем готовом, вот им и скучно. Сами не знают, чего хотят, то ли конституции, то ли севрюжины с хреном... Помните, как с «Девяткой» было?

Да, банда под названием «Девятка» тоже наделала шуму в секретном городе. И тоже, кстати, ребяташки не из бедных семей, подумал Лёпа. Он, правда, был тогда еще неразумным младшеклассником и мало что пони-

там, но все эти рассказы полудшепотом про игры в карты на чужую жизнь, про ночные поездки на ЗИМах в пригородные леса и купание в шампанском запомнил.

Но там — уголовщина, а тут — политика! Совсем другое дело.

Впрочем, вскоре о «Фениксе» пришлось забыть; из городской столовой пришла заявка — перегорел кабель. Причем перегорел в трубе, замурованной в слое бетона под полом. Поврежденный кабель вытянули с двух сторон, но протолкнуть новый никак не удавалось. Проволока, с помощью которой хотели протащить кабель, в трубу не шла — то ли изгибы мешали, то ли труба проржавела, а может быть, заусенец какой-то мешал. Мастер нервничал, покрякивал на монтеров, но те сделать ничего не могли. Созвали «консилиум» и, покумекав, решили — деваться некуда! — класть кабель поверх пола. Но тут мастер догадался послать за Егорычем. Егорыч работал в цеху электромонтером-ремонтником сто лет и давно уже мог уйти на пенсию. Но не уходил. Чего там, на пенсии, делать, говаривал он, — скукота. И, главное, ни отпуска, ни выходных нету.

Егорыч пришел и, слегка сгорбившись, застыл над торчащей из пола трубой. Он смотрел на нее, а все смотрели на него. Наконец, он выпрямился, почесал остатки волос на затылке и потребовал пылесос, шпагат и газету. Ему принесли, и все, раскрав рты, смотрели, как старый мастер мял из газеты плотный шарик. К шарик у этому он приспособил шпагат и, затолкнув шарик в трубу, велел Лёпе приставить к другому концу трубы пылесос и включить его. Когда пылесос высосал из трубы шарик со шпагатом, к шпагату привязали веревку попрочней, а к ней, в свою очередь, и кабель, смазанный солидолом.

— С тебя бутылка, — бросил Егорыч мастеру и побрел в цех.

— Заметано! — весело крикнул ему в сутулую спину мастер.

В столовку Лёпа опять отправился с Агапитом.

— Правда, что Колесик на прошлой неделе один четверых побил в сквере? — спросил приятель по пути. — Говорят, что одного даже на «скорой» увезли.

— Правда, — ухмыльнулся Лёпа. — Только он не один был, а с Папулей, а тех не четверо было, а пятеро. И на «скорой» никого не увозили, на своих ногах сами ушли. Когда подняться сумели.

— А чего подрались?

— Чего подрались — вечер, скучно, делать нечего, вот ребятишки и решили поразвлечься. Тем более что Колесик, сам знаешь, маленький, не впечатляет, да и Папуля чувак не габаритный. Вот и развлеклись...

— Ну, отметили, — скромно говорил потом Колесик об этой драке. — Расписали, как бог черепаху.

— Они, правда, в драке джинсы Папуле порвали, но когда узнали, на кого потянули, скинулись и новые ему купили — фирму от фарцы.

— Боятся — значит, уважают, — Агапит хоть и был парнем высоким и не хилым, драться не любил, всяческого насилия и трений старался избегать.

На обратном пути нежданно столкнулись с Верой.

— О, Лёпа! — подалась к ним Вера. — Хорошо, что встретились... Олег, оставь нас на минутку! — И когда обиженный Агапит отошел, спросила: — Лена тебе ничего про «Феникс» не рассказывала? Какие-нибудь подробности?

— Да нет, она сама ничего не знает, мамаша у нее не больно разговорчивая в этом смысле... А что?

— Да так... — замялась было Вера, но все же сказала: — Один из них мой приятель, сын наших знакомых. Что теперь будет...

— Слушай, но зачем же они против советской власти пошли? Почему...

— Да не против они советской власти! — перебила Вера, сердито трянув челкой. — Наоборот, они — за. Ты что, не видишь, как все стало неправильно? Говорят одно, а на деле другое. В комсомол и партию одни карьеристы идут. За исключением. Вот они и решили поправить. Дураки ватные! Я их почти всех знаю — нормальные ребята! Помнишь, ты мне рассказывал, как в детстве из санатория хотел с друзьями на плоту по Черному морю на Кубу уплыть к Фиделю Кастро? Ты же не против СССР был, не сбежать хотел, правда? Вот и они...

Тут Вера заметила, что на них оглядываются, и замолчала.

Лёпа не знал, что и сказать в ответ.

— Ладно, Лёп, увидимся еще, — пробормотала Вера и быстро пошла прочь.

— Чего это она? — любопытствовал дожидавшийся в сторонке Агапит.

— Так, — задумчиво ответил Лёпа, — ничего серьезного...

По дороге в секцию, Лёпа зашел за Колесиком, хотел поговорить про «Феникс», но тот разговор не поддержал — ну их, «фениксов» этих, дурью маются. Поработали бы руками по восемь часов в день — вся дурь из головы вылетела бы. Интеллих-хенция гнилая...

В раздевалке, облачаясь в кимоно, Лёпа чувствовал, как меняется сам и меняются другие вокруг него. Все, кроме каратэ, становилось несущественным, второстепенным. В одном из фильмов про Зорро слуга-китаец говорит Зорро: «В каратэ нельзя отвлекаться, хозяин». Вот это точно! Нельзя думать ни о чем, кроме точности движений, точности ударов, комбинаций в спарринге. Даже во время разминки нужно думать о том, что, как и для чего ты делаешь. Тогда будет толк. Кто умел войти в такое состояние, добивался успеха. Вот как, например, Колесик.

Колесик к секции, к тренировкам и к философии каратэ относился серьезно, по-настоящему; в этом мире он был маленьким местным Брюсом Ли. И все, включая сэнсэя, прочили ему черный пояс и чемпионство.

К секции прибывался разный народ. Кого-то чморили в школе или во дворе, и нужно было научиться давать сдачи, кто-то разочаровывался в другом виде спорта — приходили, например, ребята из бокса и дзюдо. Но чаще все-таки шли за экзотикой; десять лет назад была мода на самбо и дзюдо, а теперь вот на каратэ.

А тут еще в кинотеатре целую неделю крутили первый советский боевик «Пираты XX века». Хороший фильм, особенно Лёпе понравился Тадеуш Касьянов — настоящий каратист, боцмана играет. Теперь народ еще больше ломанется в секцию.

Секция работала уже несколько лет, и сэнсэй даже получил в Москве красный пояс, но выйти за пределы города пока не удавалось. Впервые Лёпа пожалел, что живет в закрытом городе, когда после успешных поединков в Горьком их не взяли в состав областной сборной для участия в самом первом чемпионате СССР. Говорят, кто-то что-то где-то напутал с документами, не оказалось каких-то справок, и в феврале в Ташкент

сборная отправилась без них. Но Лёпа подозревал, что дело не в справках, а именно в секретности.

Геныч, двоюродный брат по матери, даже бросил из-за этого плавание, хотя выиграл чемпионат области. Выиграл он, а на чемпионат России поехал горьковский парень, занявший второе место. А Генычу сказали: нельзя! Нельзя — и все.

— Чего толку барахтаться, — сказал по этому поводу страшно обиженный Геныч, — если перспектив никаких.

Тут вообще странные вещи происходят. Мальчишка один из третьей школы снялся даже в кино — и ничего. Смешной фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», и он, пацан этот из третьей школы, мальчишку-скрипача в пионерлагере играет — маленькая роль, но смешная...

Лёпа на всю жизнь запомнил, как его и еще нескольких ребят инструктировал серьезный дядька в кабинете директора школы, когда их отправляли в санаторий на юг.

— Если вас спросят, из какого вы города? Что вы скажете? — дядька пристально смотрел Лёпе в глаза.

— Из Горького, — заученно отвечал Лёпа.

— А если спросят, на какой улице живете? — дядька переводил взгляд на кого-нибудь другого.

— На улице Ленина, — как под гипнозом отвечал тот.

После этого Лёпе несколько раз снились страшные сны про шпионов. Но там, на юге, никто ничего у них не спрашивал.

Однажды Лёпа с Колесиком слушали у Веры в гостях «Голос Америки» и вдруг уловили сквозь гул и треск, что говорят про их город. Слышно, конечно, было плохо — сплошные помехи, но разобрать можно. Сказали, что, мол, на границе Мордовии, в заповедных лесах на территории монастыря создан большой лагерь для инакомыслящих, в котором за колючей проволокой под строгой охраной содержатся ученые и инженеры. Вера так смеялась...

Смех смехом, но рассказывали, что семью одного инженера выселили из города в сорок восемь часов за то, что его дочка-третьеклассница послала подружке по «Артеку» письмо с планом города, который она нарисовала «для наглядности». Правда или нет — трудно сказать, может, и байка. Но сам-то Лёпа один раз столкнулся... со «сторожами». В восьмом классе он купил на заработанные летом в колхозе деньги фотоаппарат «Смена-7». Зарядил пленку и пошел в низину пейзажи снимать. Оттуда, из низины, очень красивый вид на монастырскую колокольню, которую, кстати, в городе все отчего-то называют башней. И вот Лёпа стоит на тропинке и в прогал между деревьями снимает колокольню. И тут к нему подходит незнакомый дядька и спрашивает:

— Мальчик, а кто тебе разрешил здесь снимать?

Лёпа даже растерялся, а дядька заставил его открыть фотоаппарат и засветить пленку. Сегодня-то Лёпа сначала попросил бы документ показать, может, просто перестраховщик какой, а не кэзэбэшник, ну, а тогда испугался, конечно, слегка.

После тренировки вся компания направилась в кафе, но Лёпа на полдороге отстал, тихо свернул в переулочек и направился в сиреневый сквер. Там, у «трех китайцев», как прозвали скульптурную группу из негра, китаянки и европейца, его ждала Ленка.

— Лёп, а давай на будущее лето махнем в Крым дикарями, — вместо «здрасьте» с ходу предложила Ленка. Она подхватила его под руку и потащила по аллее. — Я у знакомых попрошу палатку, у них хорошая палатка, польская, а рюкзаки и надувные матрасы у нас в Доме быта напрокат возьмем.

— Так, может, лучше на Кавказ, в Сочи...

— Нет, я в Крым хочу. Хочу Айвазовского посмотреть в Феодосии и музей Грина, в Коктебеле побывать нужно, там все наши знаменитости отдыхали — и Высоцкий, и Вознесенский, и Ахмадулина... А еще там «Алые паруса» снимали. Да и, кстати, твоих «Пиратов XX века» тоже. Заодно в Планерское заедем, посмотрим, как планеры тренируются...

— Лен, да ведь Планерское и Коктебель это одно и то же.

— Правда?

— Ну да, раньше был Коктебель, а потом там открыли планерную школу и переименовали Планерским.

— Не знала! Ну, что — заметано? Поедем?

Девчонка принялась расписывать их будущую вольную жизнь в палатке на крымских берегах, а Лёпа слушал ее и не слышал, смотрел в изумрудные с желтыми кошачьими крапинками глаза, любовался припухшими сочными губами, и хотелось ему немедленно обхватить ее руками и так прижать к себе, чтобы слились они навсегда в одно единое целое.

Четверг

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!..

Опять предки динамик выключить забыли! И, как назло, сегодня, когда можно лишний часок потянуться в постели. В цех к восьми идти было не нужно, поскольку еще вчера в конце рабочего дня мастер дал задание к девяти быть на товарной базе — в качестве шефской помощи поработать на разгрузке. Правда, что предстояло разгружать, не сказал. Только бы не ящики с консервами или лимоном, как в прошлый раз, думал Лёпа, подходя к длинным серым прямоугольникам складов, у которых уже стояли коричневые товарные вагоны.

Правда, зря беспокоился — попал в бригаду, которую поставили на разгрузку арбузов.

— Ага, вас шестеро, — сказал толстый дядька в синем халате, из кармана которого торчала авторучка. — Значит, так: закончите разгрузку без битья, каждому выдам по самому большому арбузу и по бутылке пива. Один разобьете, выдам на всех пять штук, два разобьете — четыре на всех, ну и так далее. Ясно? За работу!

— А если уже разбитый попадется? — спросил кто-то из бригады.

— А мне до лампочки, — отходя к следующему вагону, ответил дядька, — за работу!

В вагоне оказалось четыре раздавленных в пути арбуза, и Лёпа огорчился, ему хотелось принести арбуз домой. Можно, конечно, и купить, августовские арбузы стоят копейки, но тут дело принципа. Однако юркий, худощавый мужичок в затертых тесах и линялой футболке, постоянно работавший здесь, на базе, просто взял битые арбузы и быстро отнес их в

крапиву, буйно разросшуюся под стенами склада, чтобы каждый получил обещанное. С этим хитроvanом Лёпа тут же договорился обменять свою бутылку пива на второй арбуз. Для Ленки.

На обед никто не пошел, расположившись на пустых ящиках, перекусили кто чем — Лёпа отобедал припасенными молоком и батоном. Потом сидели в теньке и грындели о том, о сем. Заговорили, конечно, и о Черном человеке. Каждый отстаивал свою версию.

— И охота вам лясы точить про глупости! — лениво сказал хитроvan. — Народ чушь несет, а вы повторяете.

— Ну, а вот тебе он повстречается, что будешь делать? Небось, в штаны-то наложишь.

— Не наложу, — хитроvan потянулся за своей, лежавшей за ящиками, холщовой сумкой и, раскрыв ее, показал. В сумке холодно отсвечивал большой тесак.

После обеда разгружали кирпич. Во время перекура, чтобы развлечься, Лёпа поставил два кирпича «на попа», третий сверху мостиком и коротко хакнув, разбил кирпич ребром ладони.

— Каратист, — скривил в усмешке синеватые губы хитроvan. — Накачаные мышцы — это, конечно, неплохо, но накачаные мозги — лучше!

Лёпе стало неловко — действительно, что за показуха! Но слова ему понравились, и он решил их запомнить — могут пригодиться.

Работа спорилась, и вагон быстро опустел. Толстяк в синем халате, проверив выгруженный товар, выдал каждому по арбузу и бутылке «Жигулевского» и отпустил. До конца рабочего дня было еще далеко, но в цех Лёпа, естественно, не пошел. А пошел он к девчонке в парикмахерскую. Затащив Лёпу в бытовку, Ленка с подружками сполоснули арбуз под краном, нарезали его и принялись смачно уплетать, сплевывая косточки в эмалированную кружку.

— Ой! — заполошно вскинулась среди пиршества одна из девчонок. — У меня ж клиентка под химией — сторит нафиг! — и бросилась в зал.

Когда, наконец, Лёпу с Ленкой оставили в бытовке одних, они принялись целоваться. Услышав шаги за дверью, они отрывались друг от друга и делали вид, что заняты арбузом, пока шаги не стихнут. Лёпа готов был просидеть в бытовке хоть до ночи, но явилась очередная клиентка, и девчонку вызвали в зал.

Август потихоньку съезжал к сентябрю, тополиные листья становились жесткими, словно жестяными, по утрам уже пахло арбузным морозцем, и роса не сразу исчезала с травы, но днем и до самого вечера было еще жарко. Лёпа побрел по улице, остановился у автомата с газировкой и хотел напиться, но вспомнил, что Вера рассказывала про стаканы в этих автоматах, и передумал. Вот ведь не знаешь — и вроде все равно, а сказали тебе про туберкулез — и все. Одно время Лёпа даже носил в кармане складной стаканчик. Но потом как-то забылся и перестал.

Домой идти не хотелось, да и незачем, и Лёпа отправился на речку. На пляже почти никого не было. Пацаны, несколько молодых с мелкими детишками и парочка пенсионеров. Да с краю, под ветлой, расположилась компания вокруг газетки, на которой разложены были бутерброды с колбасой, нарезанное полосками сало и стояли бутылки. Сало в такую жару, брезгливо подумал Лёпа. Хотя под водку...

Он разделся, бросился в воду и, добравшись до середины реки, неспешно поплыл параллельно берегу. Отчего-то плаванье приводило и

мысли, и тело в порядок. Причем плыть можно и бездумно, и о чем-то размышляя. Порой во время заплыва в голове без всяких усилий сами собой рождались занимательные истории, даже как будто стихи складывались. И никакой усталости. Плынешь себе по речке, а грезится, будто бы вокруг море или океан, и нет ему ни конца, ни края. Однажды Лёпа так размечтался, что не заметил, как заплыл в заросшую ряской и тиной заводь. Проплывая под висячим мостом, он вспомнил, как в каникулы после седьмого класса задумал с друзьями сделать подводную лодку. Нашли металлическую бочку, зубилом выбили отверстия под иллюминаторы из оргстекла и люк, для герметизации приспособили гудрон и старые резинки от стиральной машины и выброшенного на свалку холодильника «Юрюзань». Провозились пол-лета, но когда на тележке, сделанной из детской коляски, привезли подлодку к реке и спустили на воду, она тут же камнем пошла ко дну. Хорошо еще, что для начала испытать ее решили без экипажа. Да, сколько раз их выдумки могли закончиться плохо, думал Лёпа, лягушкой распластываясь по воде, но как-то везло. Бабка говорила: Ангел Хранитель. Вот кто нашептал Лёпе, чтобы он не стрелял из только что изготовленного пугача с руки, а привязал его для начала к сосне? Пугач этот рвануло так, что ствол разлетелся на мелкие кусочки... А вот однокласснику Лёпиному не повезло: серная бомбочка разорвалась у того прямо в кармане штанов, так что пацан остался без одного яичка. А соседский парень Андрей упал с третьего этажа, но отделался лишь переломом руки. И как только пацаны доживают до взрослого состояния...

Хм, подумал Лёпа, разворачиваясь к пляжу, нужно бы понырять, ведь та бочка и сегодня должна бы лежать в том омутке у висячего мостика. Если половодьем не унесло.

Бочку он нащупал с первого нырка. Она до половины завязла в иле, люка и иллюминаторов не было. Вспомнилось, как возились с этой бочкой, как везли ее сюда в сладкой надежде на подводные приключения... Лёпе стало грустно, и он потихоньку поплыл к берегу. Постоял на песке, обсыхая, оделся и поплелся домой.

А что дома? Все на работе, делать нечего, по телеку ничего интересного. И Лёпа, сняв с полки потрепанного Конан Дойла, плюхнулся на диван...

Вечером заявился Миха.

— Слышал про «Феникс»?! — с порога заорал он, как всегда, несильно трезвый. — Вот дают ребята!

Малыш скинул сандалии и босиком прошлепал на кухню, где Лёпа разогревал вчерашние макароны, залитые яйцом.

— А ты погромче не можешь? — Лёпа снял с плиты скворчащую сковородку. — Есть будешь?

— Не-а, выпить есть?

— Нету. Чего ты опять в рабочий день набрался?

— Так рабочий день уже кончился. А предки где?

— В Караганде, в гости ушли...

С Малышом Лёпа подружился через драку. Миху в восьмом классе перевели из другой школы, и в первый же день на первой же перемене он решил что-то доказать и схватился с первым попавшимся. Первым попавшимся оказался Лёпа. Когда их разняли, Малыш шепнул Лёпе:

— После уроков пойдём ко мне брагу пить.

Отец у Малыша гнал самогон... А через месяц он позвал Лёпу в тайное общество «Бей милицию!»

— Ты пойми, — горячо втолковывал он Лёпе, — милиция давно перестала быть народной! Легавые, они же — враги народа. Они же пьяных избивают и деньги у них крадут. Поди потом чего докажи — ты ж пьяный был. А что, рабочему человеку выпить нельзя? Я понимаю, ты с ножом бегаешь, это да. А если просто домой идешь — чего хватать?!

История с «Фениксом», судя по всему, привела его в восторг.

— Эх, жалко, что я с этими ребятами не познакомился! Опыта им не хватило житейского, детки научных, маменькины сынки, наверняка, вот и влипли!

— Ну, с тобой-то, конечно, не влипли бы?

— Ну, я-то не влип.

Как-то раз, уже когда они учились в десятом, Малыш приволок на чердак пачку самодельных журналов все с тем же дурацким названием «Бей милицию». Лёпа полистал полуслепые страницы, сшитые черными нитками. Заметки были напечатаны через копирку, а потом еще и скопированы на РЭМе, иллюстрации почти не разобрать.

— Ты вот подумай, — агитировал он Лёпу. — Вот сосед мой — Конырин — партийный, даже секретарь, а сколько раз домой на карачках приползал. А с трибуны агитирует за трезвость! Это как? Это правильно? А когда отцу очередь на «Москвич» подошла — ему сказали: у тебя гаража нет, значит, и машина тебе не положена. И теперь на нашем «Москвиче» предпрофкома катается, а мы еще два года будем гаража ждать. Где справедливость?!

Вообще-то, Малыш бредил путешествиями, хотел исследовать неведомое — побывать на озере Лох-Несс, поймать чудище озера Лабынкыр, верил, что где-то в Гималаях или в Тибете ждет его Снежный человек, а в Атлантике — Бермудский треугольник...

— Почему капиталистам везде можно, а нас, советских, никуда не пускают? — кипятился он.

— Почему же никуда, — пытался возразить Лёпа. — Вот же Дмитрий Шпаро первым на лыжах до Северного полюса дошел; читал в «Комсомолке»?

— Да читал, но это же исключение!

Спорить было бесполезно. Да и аргументы Малыш приводил такие, на которые не сразу и ответишь. Не сказать, чтобы Лёпу особенно тянуло куда-то за границу, но что-то обидное в этом действительно было: одним можно, другим нельзя.

Увлечшись каратэ, Лёпа и приятеля пытался было затянуть в секцию, но Миха с усмешечкой отказался:

— Зачем? Если надо, я ломик возьму и дам по башке без всяких тренировок и махания ногами.

Честно говоря, Малыш и без ломака был силен; да и не удивительно — целыми днями с рубанками, стамесками, ножовками, молотками. Тут поневоле мышцу накачаешь...

— Пойдешь со мной и Агапитом Черного человека ловить? — спросил он, вытягивая со сковородки макаронину и с хлюпом засасывая ее в рот.

— Да нет никакого Черного человека, — скорее из чувства противоречия, чем по убеждению возразил Лёпа. — Если бы был, давно поймали бы.

— Кто поймал бы, — скривился в иронии Малыш, — легавые, что ли? Поймают они... они только пьяных ловить умеют. Вот если бы кэгэбэшники взялись, тогда...

Солнце завалилось за верхушки сосен, когда Ленка вышла во двор к ожидавшему ее на дворовой скамейке Лёпе. Печаль, которая ни с того ни с сего терзала парня весь день, ушла, и на душе было легко и покойно. Отправились в сквер, купили по дороге по мороженому: Ленке — эскимо на палочке, себе Лёпа взял любимое шоколадное. Шли не торопясь, лакомились, щурились на красное зарево за сплетением сиреневых зарослей, за дальними крышами, сворачивали за кусты, целовались.

Тут в кустах их и окружили. Четверо. Лёпа сначала и не понял ничего.

— Чего тебе надо?! — нервно крикнула Ленка одному из них, лобастому, с ежиком белобрысых волос и толстыми губами. — Сказала же — все!

Тут Лёпа догадался — бывший. Про него Ленка сказала однажды: был один, тупой, как валенок сибирский. Звонит иногда...

Дрались молча. Ленку Лёпа сразу вытолкнул на дорожку, а сам бросился на белобрысого. Парни не ожидали такой прыти и когда спохватились, белобрысый уже стоял, согнувшись вдвое, и из носа его текла кровь. Так же быстро Лёпа справился и со вторым, двинув ему ботинком по голени и кулаком под дых. Оставшиеся двое принялись молотить его кулаками, и как Лёпа ни закрывался блоками и ни уворачивался, пришлось ему довольно туго. Неясно, чем бы все кончилось, но из кустов высунулась строгая физиономия в милицейской фуражке и спросила:

— Вы чего тут?

Парни сразу бросились врассыпную.

— Еще встретимся! — крикнул один из них на бегу.

— Раньше, чем ты думаешь, — пробормотал Лёпа.

— Чего вы тут драку хулиганите? — взял Лёпу за локоть милиционер. — Не стыдно?

— Это они на нас напали, — схватилась за Лёпу с другой стороны Ленка. — Мы просто гуляли.

Милиционер всмотрелся в заплывающий Лёпин глаз и отпустил локоть.

— Ты его бодягой, — посоветовал он Лёпе, — а то распухнет.

— Все из-за меня, — бормотала девчонка, платком вытирая ободранные в кровь Лёпины кулаки. — Ну, я не знаю, что с этим делать. Может, мать попросить, чтобы через милицию его пугнули.

— Еще чего, — ухмыльнулся Лёпа, — обойдемся без милиции. Где он живет? Завтра с ребятами схожу к нему, и он про тебя навсегда забудет.

— А что было бы, если бы милиционера не оказалось поблизости? — озорно сверкнув зелеными глазами, спросила Ленка.

— Да по-всякому могло быть, — пожал плечами Лёпа. — Один из них боксер, похоже, хорошо дерется. Но это не имеет значения, они все равно поняли, что я их не испугался, а значит, и драться в целом бесполезно.

Глаз подергивало и, похоже, завтра на работу он явится с хор-рошим синяком, а все же парню было приятно, что подруга смотрит на него словно бы по-другому; не то, чтобы с восхищением, но как-то... А может, и с восхищением...

Спасть не хотелось, и Лёпа полез на чердак. Там, как всегда, «гуляли».

Чердак Лёпиного двухэтажного дома, построенного когда-то еще пленными немцами, со школьных лет был их «штабом». Конечно, теперь им вовсе незачем и не от кого было прятаться с бутылкой портвейна, но компания как-то привыкла к этому месту, к пыльному полумраку, к голубиному запаху и к отстраненности от житейской суеты двумя этажами ниже. А, может быть, просто детство не до конца еще выветрилось из их голов и душ. Как бы там ни было, время от времени они забирались сюда не столько для того, чтобы выпить в тишине и спокойствии, сколько для того, чтобы поболтать, поделиться новостями, радостями и заботами... Обсудили Лёпин фингал, и кто пойдет за этот фингал квитаться, поговорили про «Феникс», но как-то вяло, без охоты, потом про скорые поездки «на картошку». Шефские эти командировки все ругали, а вот Лёпе нравилось уезжать на несколько дней в колхоз, ковыряться в земле, дружить и драться с местными ребятами, печь в костре только что выкопанные из тяжелого чернозема картофелины. Заговорили, конечно, и про Черного человека. У каждого была своя версия. Насмешил всех Малой, развив теорию о том, что Черный человек — это монах, который сто лет скрывался в тайной келье монастыря, а теперь вышел, чтобы мстить за взорванные церкви.

Юрец, как всегда нехотая, влез в разговор:

— Анекдот новый слышали? Подходит мужик к газетному киоску, говорит: дайте «Правду», а киоскерша: «Правды» нет. А он: ну «Советскую Россию», а она: «Россию» продали. Мужик: а что есть? Остался только «Труд» за три копейки...

Никто не засмеялся — анекдот был старый. Толстый, рыхлый и вяловатый Юрец вообще был смешным. Однажды, слушая у Лёпы пластинку Робертино Лоретти, похвалил:

— Какой у нее голос здоровский!

— У кого у нее? — не сразу понял Лёпа.

— Ну, у нее, у Робертины!

— Это не она, это он, мальчишка — Робертино...

Юрец вытаращил глаза... С ним такое часто бывало, ляпнет иногда — хоть стой, хоть падай. У учительницы истории в восьмом, кажется, классе спросил, кто такой Дзуликкий Анус, а у злющей физички пытался выяснить, что такое мастурбация.

— Ты с дуба рухнул, такое спрашивать? — допытывался после уроков Лёпа. — И почему именно у физички?

— Ну, я думал, это с физикой связано... — простодушно ответил Юрец.

Вот и в секции он не удержался: придет, получит в спарринге пару ударов в толстый живот и киснет, мол, нету способности к борьбе. Лёпа вспомнил, как Юрец худел. По совету сэнсэя каждое утро делал пробежку до реки — километра по три туда и обратно, полчаса плавал и на турнике «уголок» делал. Порозовел, стал заметно бодрее, но все не худел, даже, кажется, наоборот... Как-то, дожидаясь Юрца у него дома, Лёпа спросил его сестру Любашу, не врет ли парень, что бегаёт по утрам.

— Что ты, Лёп, сама удивляюсь, — ответила Любаша, — каждый день, встает по будильнику, треники на ходу натягивает и — на реку! Приходит весь красный, взмыленный, а голодный — ужас! Навернет кастрюльку супа с батоном — и на работу...

Вечером, увидев Лёпин синяк, отец, иронически ухмыльнувшись, крикнул:

— Говоришь бесконтактное у вас каратэ?

Мать разохалась, засуетилась и действительно заставила Лёпу сделать примочку с бодягой.

— Лёп, мы в воскресенье в деревню, — сказала она, когда Лёпа ложился спать. — Ребят забрать надо, в школу скоро. Ты поедешь?

— Не-а, — пробормотал Лёпа в ответ и заснул, едва коснувшись подушки...

Пятница

— Статуй гипсовый! Накачался на мою голову! Иди с глаз долой!

Соседка с утра скандалила с мужем. Странно, подумал Лёпа, прибирая постель, не мог дядя Коля в будний день выпиться, да еще с утра.

— Че, дядь Коля, чем тете Клавье не угодил? — спросил Лёпа, столкнувшись с соседом в подъезде.

— Да цветное белье вместе с белым в стиральную машину бросил, ну и покрасилось, — сокрушенно покрутил головой дядя Коля. — Откуда ж я знал...

— Так не берись, в чем не сечешь.

— Ну, вот и она про то же. А я помочь хотел. А ты что — тоже кому-то помочь хотел? — дядя Коля кивнул на синяк. — Красавец...

У ворот цеха маялся Агапит. Увидев Лёпу, кинулся навстречу:

— Лёп, одолжи червонец до получки!

— Чего приспичило?

— Тоня из бухгалтерии батник и водолазку предлагает, а я на мели, как назло.

— Она разве фарцует? — удивился Лёпа, ведь всем известно, что Тоня активничала в комсомоле и в профсоюзе, и заниматься фарцовкой ей было совсем не с руки.

— Да нет, — замахал руками Агапит. — Брату ее в подарок прислали, а с размером промахнулись... А я ей помогал кой-чего, вот она мне первому и предложила, но ждать будет только до вечера. А че это у тебя с глазом? У вас же вроде бесконтактное каратэ...

— Случаются контакты, — беспечно махнул рукой Лёпа.

На перекурах каждый, конечно, прошелся по поводу Лёпиного синяка. Мастер, глянув на «украшение» сказал только:

— Да, каратэ — не панацея, — и отправил Лёпу на склад. Не на завку же с таким фингалом идти.

На обед Лёпу зазвал к себе Толя Молчанов — приятель из секции. Как Лёпа и предположил, Толян звал похвастаться новой пластинкой. Такого проигрывателя и таких дисков не было, пожалуй, ни у кого в городе. Все знали, что у него было лишь два увлечения в жизни — единоборства и музыка. Начинал Толя с самбо, стал чемпионом города в своем весе, потом освоил дзюдо и, наконец, пришел в каратэ. В каратэ, однако, больших успехов не добивался, не давалась растяжка — очень уж забытыми и перекаченными оказались мышцы; ходил в крепких середнячках.

Уже с порога комнаты Лёпа увидел на тумбочке яркий конверт с надписью «АВВА». По всему, не советского производства. И угадал.

Коля ставил на журнальный столик тарелки с пельменями и вещал:

— Никогда наши не научатся идеальный звук давать. Не дано.

— Зато мы делаем ракеты, и даже в области балета... — начал было проявлять патриотизм Лёпа, но Толян не поддержал.

— Кто мешает и ракеты, и диски на уровне делать? Аппаратуру для спутников — запросто, для бомбы атомной — пожалуйста, сам делаю, а на проигрыватель что — мозгов не хватает?

Он сунул Лёпе ложку — ешь, мол, а сам вынул из конверта диск, сдул с него несуществующие пылинки и аккуратно, словно мину, поставил на проигрыватель. Они принялись за пельмени, а сладкие голоса шведской четвёрки заполнили комнату, полились в приоткрытое окно, привлекая внимание случайных прохожих и тревожа слух романтических малолеток в дворовой беседке.

— Я Клиффа Ричарда и Челентано отдал одной дуре за нее, — кивнул Толян на крутящуюся пластинку. — В городе другой такой нет.

Пельмени приятель, увлеченный мыслями о музыке, не доварил и недосолил, но зато поставил на стол майонез, который Лёпа обожал, и это скрасило нехитрую трапезу.

— Да ты сравни! — Толя кончиками пальцев брал за ребра другую пластинку, осторожно ставил ее на круг проигрывателя и включал, — это наша пластинка, «Мелодия». А это, — он аккуратно менял диски, — ихняя, забугорная. Чуешь разницу?!

Лёпа особой разницы не улавливал, но, чтобы не обижать приятеля, качал головой и соглашался:

— Да-а-а...

Они ели пельмени, слушали музыку, но разговор неожиданно перешел — тьфу ты! — на Черного человека.

— Есть Черный человек, — Толян словно отрубил. — Брат видел. Лично. Издалека, правда. В вашем, кстати, районе. Вышел из кустов — метра два с половиной роста — постоял и снова в кусты. Брат, сам знаешь, не из фантазеров...

Лёпа спросил, что приятель слышал про «Феникс». Толян дернул плечом:

— Дураки малолетние. Революции захотелось. Теперь вот и себе биографии сломали, и родителям. Со мной один папашка работает — черный весь, через день в КГБ ходит. Похоже, попрут его и с работы, и из города.

— А чего они хотели-то?

— Да я толком не знаю. Вроде бы собирались реактор захватить и Брежневу ультиматум выкатить, чтобы, как Ленин завещал, чтоб без привилегий. Ну, дурачки-романтики. Че Гевара им покоя не дает.

Уже в дверях попросил:

— Передай сэнсэю, я сегодня в секцию не приду — спецзаказ, работаем без продыху по полторы смены...

В секции готовились к открытию сезона. Сезон начинался в сентябре, и по этому поводу каждый год проводили турнир. На турнир, однако, выходили не все, а лишь прошедшие отборочные бои. Сегодня выпало выходить на спарринг и Лёпе. В противники ему достался Большой Витя. Одного с Лёпой возраста, Витя был на голову выше и заметно тяжелее.

— Ты двигайся больше, финти и атакуй серией, — шепнул ему перед боем Колесик. — Он тяжелый, медленный и на отходе плохо прикрывается.

Сначала все шло хорошо. Большой Витя не успевал за Лёпиными уходами с линии атаки и заходами с боковыми ударами. Но под конец спарринга, когда Лёпа решил, что победа за ним и слегка расслабился, Витя вдруг неожиданно попер вперед и сначала, зарядив потрясающий уширо, сбил Лёпу с толка, а потом, не дав опомниться, едва ли не выгнал его с ринга жесткими прямыми в голову.

— Говорил же тебе — двигайся, финти, — укорял Лёпу Колесик. — Ну, ничего, у тебя еще два спарринга — отыграешься...

После душа расстроенный Лёпа сидел на скамеечке, ждал пока высохнут волосы и, потихоньку одеваясь, рассматривал на крашенных синей, кое-где уже потрескавшейся, масляной краской стенах раздевалки народное творчество. На двери в туалет было старательно нацарапано:

В сортире гадости писать,
Увы, мой друг, давно не ново.
Но согласить, такую мать,
Что только здесь свобода слова!

Лёпе отчего-то сразу вспомнился Малыш; тот мог бы такое написать. Запросто.

Ленка уже ждала его во дворе:

— Идем в гости. Светка приехала из Крыма, слайды показывать будет. Да не упрямясь, там только свои будут...

Крыма на слайдах, в общем-то, практически и не было. Были санаторные здания, сама Светка — одна и с парнями, два-три кадра пляжа опять же с картинно лежащей на песке Светкой, какие-то кипарисы и мутноватые зеленые горы. После слайдов пили чай и трындели обо всем подряд. Лёпа заговорил было про «Феникс», но тему не поддержали — мол, сынки ученых с жиру бесятся, чего о них говорить; накажут и правильно сделают. Зато про Черного человека проговорили почти час...

У подъезда Ленка долго мялась, держала за руку, отводила глаза, наконец, сказала:

— Лёп, как хочешь, но я матери сказала, что замуж выхожу.

— За кого? — от неожиданности ляпнул Лёпа.

— Ты что — дурак? За тебя!

— А мать?

— Обалдела, конечно. В общем, так — хватит прятаться! Завтра она на какой-то конференции допоздна, а в воскресенье придешь знакомиться. Придешь?

— Приду.

Лёпа шел по городу и ничего не замечал. Замуж. За меня. Вот ведь! Муж, жена... И вдруг его проняло: конечно! Разве он сам-то этого не хочет? Еще как хочет!

Луна серебрила крыши, когда Лёпа вернулся домой. К его удивлению, дома не спали. Мать в зале смотрела телек, а на кухне отец с дядей Колей сидели за бутылкой «Зубровки».

— Чего празднуем? — поинтересовался Лёпа.

— Как чего, — развел руками дядя Коля, — пятницу! Присовокупляйся.

Лёпа присел за стол. Пить не стал, а вот солеными грибочками с горбушкой ржаного хрустел с удовольствием. Он любил вот эти посиделки отца с соседом. Дядя Коля человеком был интересным, — любил свою работу и рыбалку, боялся заболеть алкоголизмом и свою жену. И хоть был простым фрезеровщиком, но любил выражаться фигурально и философски. По утрам, когда Лёпа время от времени сталкивался с ним в подъезде, он мог взять парня за пуговицу и неожиданно сказать:

— Жизнь просто-таки кишит парадоксами. Например: круглый дурак рождает плоские мысли.

Или вдруг ни с того ни с сего странно пошутит:

— А ты знаешь, что великий русский художник Левитан родился в бедной еврейской семье?..

С отцом они дружили, но при этом почти всегда спорили. На этот раз говорили про Берию. Отец, конечно, ругал Лаврентия Павловича. А дядя Коля, как ни странно, защищал. Мол, без него не было бы сейчас ни атомной бомбы, ни нашего города, а был бы зачуханный поселок при монастыре. Слушая их, Лёпа вспоминал отцовские споры с дедом о Сталине. Отец, служивший в армии в Подмосковье, побывал на похоронах Сталина — стоял в охране и едва не погиб в давке. Считал, что Сталина оговорили, приписали ему зверства Берии. А всегда спокойный дед кипятился и орал, что Сталин изверг и даже победа в войне, в которой дед, кстати, участвовал, не снимет с него тяжких грехов...

В постели Лёпа долго ворочался не в силах успокоиться и уснуть. Сказать родителям про Ленку или подождать? Ладно, утро вечера мудренее...

Суббота

Суббота — хороший день. Вставать спозаранку не надо, завтракать наспех и на работу бежать не надо, делай, что хочешь. Столько всего можно успеть, на что в рабочие дни времени не хватает! Да и шляться можно допоздна — завтра не на работу.

Лёпа поднялся часов в девять. Он и дольше бы в постели провалялся, если бы соседский пацан «Битлов» не завел на своей шарманке. «Йес тудей...» Растудей его с его «Битлами».

На завтрак маманя, как обычно, приготовила яичницу с колбасой и кофе с цикорием. И где она этот кофе достает? — привычно удивился Лёпа. — А все же хорошо с утречка кофейком побаловаться... Юрец, правда, смеется — какой, мол, это кофе. Ну, правильно, у него папаша в Главке работает, у них кофе из зерен — и запах другой, и вкус... Лёпа с Колесиком у него однажды даже виски настоящее попробовали. Бутылка у его папашки в серванте стояла початая, вот Юрец им по полрюмашечки и налил. Ну не водка, конечно! А все ж таки кофе с цикорием лучше, чем грузинский чай.

Позавтракав, Лёпа отправился к Колесику. Тот уже возле сарая покрывку от ЗИЛа, наполовину вкопанную в песок, молотом обрабатывал. Босиком и в одних техасах, вспотел уже весь. Где-то он прочитал, что и Брюс Ли, и Мухаммед Али так резкость удара нарабатывали. Вот и молотит покрывку каждую свободную минуту. Может, и правда помогает — удар у Колесика дай бог каждому. А Лёпе больше плавать нравится: и

мышцы укреплает, и они не дубеют при этом, не закрепощаются, эластичными остаются.

Колесик надел футболку и сказал, что разборку с бывшим Ленкиным придется отложить — сегодня нужно сходить за реку. Тамошние оборзели совсем, нашего парня избили. За то, что ходит на их территорию. А как ему не ходить, если там его ПТУ? В общем, нужно разобраться.

У моста их уже ждали Гена, Папуля и Юрец. Ну и Саня — ему как раз и наваяли.

Говорит: никого не трогал, ничего не говорил, шел себе в профуру. Налетели, окружили и наклали. Человек семь. Главный, как всегда, Красавчик.

Красавчик этот Лёпе особенно не нравится. Приятель его старшего брата — боксер-перворазрядник. Вот он и кичится. Сам-то дерется так себе. Можно сказать, никак, но связываться с ним не любят. Знают, что этот знакомый его брата скоро КМСа получит.

Но у Лёпиной компании тоже кое-кто за спиной есть. Миша-Француз. Он уже КМС и тот перворазрядник за Красавчика из-за Француза не полезет. Скажет Красавчику: сами разбирайтесь. Такой политес.

Если бы Красавчик знал, что Саня из наших, подумал Лёпа, ни за что не стал бы на него тянуть. Потому что заречные, если кого и побаиваются, — так это наших. Как-то на танцах Красавчик полез было на Колесика, но тот ему свет быстро выключил. А брат, зная про Француза, вместо того чтоб заступиться, еще и отвесил ему: лезешь, так дерись, да и вообще — знай, на кого лапку задирать.

Саня что-то в последний момент заочковал, дернул Колесика за рукав, не маловато нас? Но Колесик даже и не ответил. Просто говорит: пошли. За мостом все собрались, так внутренне поджались. Не шутка, эти заречные совести не знают. Могут и ножичком.

Они, как всегда, на стадионе болтались. На трибунах. Увидели в нашей компании Саню и сразу все поняли. Двое-трое даже сразу слиняли так незаметненько. Но Красавчик — он наглый, улыбается: о, какие люди в Голливуде, какими судьбами?

Папуля прямо с ходу влепил ему в челюсть, он тоже этого Красавчика терпеть ненавидит. Красавчик, правда, готов был, и удар вскользь пришелся. Ну и тут началось махалово. Даже Саня разошелся, хотя, по правде сказать, трусоват он. Но за компанию все смелые.

Лёпа схватился с Борьком, с дружкой Красавчика. И сделал глупость — вместо того чтобы кулаками работать, сцепился с ним бороться. А он Лёпу головой как боднет в лицо! Тот такой подлости не ожидал, а лобешник у Борька крепкий, ну Лёпа и поплыл. Хорошо, не свалился. Отпустил его, вспомнив, как Француз учил, и стал кулаками по печени бить. Тут и он остановился, видно, удалось пробить печень-то. Ну, и пока они с ним так стояли, в себя приходили, все кончилось. И Красавчик, и другие побежали, а Колесик подскочил и двинул Борька боковым, так что тот сразу рухнул. Очень хотелось Лёпе пнуть его пару раз, но сдержался — лежачих не пинаем. А Красавчик вот сдерживаться не стал бы, это точно.

В общем, отметили заречных, и усталые, но довольные пошли в «Снежинку». Саня говорит: угощаю. У Сани, как и у Юрца, всегда деньги есть — у него родители богатые: мать — экономист в Управлении, а отец начальник цеха. Он и Саню после ПТУ к себе забрал, и заставил в вечерний техникум поступить. В «Снежинке» встретили Веру. Колесик

аж зарделся весь, когда ее увидел. Ну, посидели, поели мороженое, поболтали. Лёпа, как всегда, шоколадное с грушевым сиропом взял. Саня Вере про заречных рассказал и так все вывернул, поросенок, что будто бы только благодаря его стойкости и удалось отметить заречных. Но никто не обиделся, посмеялись вместе с Верой и договорились после обеда идти купаться.

За обедом маманя опять завела волынку, что, мол, в техникум поступать надо, вон Саня... Ну, понятно... Лёпа ей не сказал еще, что предложили ему идти проводником спецвагонов. Зарплата там — в три раза больше, чем в цеху, и нафиг тогда техникум. Правда, смущало Лёпу, что командировки месяца по два-три. Вот и реши, что лучше-то: с одной стороны деньги, а с другой — от ребят отобьешься, тренировки придется пропускать. Да и скучно две недели в дороге, там, в основном, дядьки пожилые — лет по сорок. О чем с ними...

На пляж Лёпа пришел, когда все уже были там и играли в карты. Вера в карты не играла, и Колесик тоже не стал, да и Лёпа, по правде сказать, карты не уважал. Ему бы лучше поваляться с книжкой, да неудобно как-то. Не принято. Колесик принес гитару и пел для Веры. Песен он знает — до черта. И Высоцкого, и эмигрантов, и старые дворовые. Эмигрантов Вера, правда, не любит, мата там много, и Колесик при ней их не поет. Так, в основном веселые или жизненные, там «Друзья, купите папиросы», «У ней следы проказы на руках» или «Там, где речка, в речке козий брод, глотает воду по утрам колхозный скот...»; в общем, разное.

Она Колесику как-то сказала: ты бы выучил Визбора или Окуджаву. Ну, он послушал однажды и сказал, что это не то. Хотя хорошо на гитаре играют, лучше Колесика, честно надо сказать, но песни... Они вообще странные. Не пьют совсем, не курят. Но и спортом не занимаются. Хотя и не трусы вовсе. И подраться могут. Смешно смотреть, когда они встают спиной к спине, похожие, как два батона, и отмахиваются хоть от целой толпы. Даже тем, кто нападает, смешно становится — и уже не до драки. Нет, кое-что Лёпе даже понравилось. Особенно одна — про горы, про дороги, Визбор, что ли. И еще другой, со странной такой фамилией — Окуджава. Но большей частью уж очень занудно, а то и непонятно. Про шарик непонятный и девочку, которая то девочка, то старуха... Совсем не то, что Высоцкий. Высоцкий — другое дело...

После реки Лёпа помогал отцу разбирать погреб. Хорошо, когда есть около дома сарайка с погребом. Вон Папуле приходится на автобусе в гараж за картошкой ездить. А тут вышел из квартиры — и вот, пожалуйста — хоть велосипед поставить, хоть картошку, капусту, соленья всякие хранить.

У Ленки выдалась рабочая суббота. Вот она, служба быта, — у всех выходной, а в парикмахерской самый наплыв. Все же удалось посидеть в бытовке, потрындеть, пока клиентка «под колпаком» сидела. Болтали о всякой ерунде, и было все равно о чем, хорошо было, о чем бы ни говорились.

— Помнишь, ты меня про Черного человека спрашивала?

— Ага! — оживилась Ленка. — И что?

— И все, нет больше Черного человека...

Да, кто бы мог подумать, что история с Черным человеком закончится так неожиданно! И, оказывается, все было, как говорится, под боком.

Да и развенчала его — Черного человека — Наташка. Девчонка, как обычно, шла с тренировки через низину, когда из-за старого вяза вышел этот громила.

— У меня аж в зобу дыханье сперло, — смеясь, рассказывала Наташка. — Вижу, выходит молча, огромный, темный, руки тянет белые с кровью на пальцах, глаза горят, зубы страшные... А у меня в руке сумка с формой, и утяжелители там еще лежали. И я этой сумкой с испугу ка-ак дам ему по башке со всего маху! Он грохнулся, маска с лампочками в глазах в одну сторону, вставная челюсть с париком в другую, а из-под балахона — братья Скворцовы вылезают. Они под балахоном один у другого на плечах сидели. Вот гады, я чуть не померла со страху. Ну, я им сгоряча отвесила по пенделю и пошла домой.

— Вот тебе и Черный человек, никакой мистики, — посмеивался Лёпа. — Нет, конечно, Старшой и Малой — ребята придурковатые. Оба. Но что именно они и есть Черный человек, ни за что не подумал бы!

Малой потом еще говорил, послушали бы вы, какого Натаха матюка выдала, когда мы из-за дерева вышли. Вот же придурки, пусть еще спасибо скажут, что Наташка никому чужим не рассказала, а то нашли бы желающие поучить этих козлов спортивных.

Вечером Ленка ушла к подруге печатать фотографии, и Лёпа отправился со своими на танцплощадку в городской парк. Опять эта дуручка из ДК пела под Пугачеву. Неужто самой не ясно, что не тянет? Позорится только.

Увидев в толпе Красавчика с его шоблой, Лёпа подумал, что опять придется схлестнуться. Но нет, свои на одной стороне танцплощадки топтались, заречные на другой. Среди танцев подошел к Лёпе Борек, и Лёпа напрягся — Борек подлый, чего хочешь может. Но он мирно так поздоровался и сказал:

— Здорово ты мне по ливеру настучал, умеешь.

Лёпа из вежливости ответил:

— Да и ты мне по калгану зазвездил не слабо.

Но тут Борек увидел, что Красавчик смотрит неодобрительно, кивнул и отошел.

Лёпа обернулся и увидел, как к нему Колесик с Папулей пробираются сквозь толпу: ну, чего? Ничего, все нормально.

Колесик спросил:

— Веру не видел?

— Нет, не видел, — ответил Лёпа, а сам подумал: пойдет тебе Вера на танцплощадку. Жалко ему было Колесика, ясно ведь, не его она поля ягодка. И как она вообще в нашу компанию затесалась? Кажется, все-таки не из-за Колесика. Хотя улыбается ему, песни слушает и вообще... Институт закончит и уедет, конечно...

Потом, когда уже сидели в беседке у реки, Вера вдруг пришла. Тут все материться стали пореже и как-то поделикатнее что ли. А Вера даже выпила вермута прямо из горла, чем всех удивила. И сразу ближе как-то стала. Ну, в каком смысле ближе. По-настоящему-то не ближе, конечно, но все же...

Разговор зашел было про «Феникс», но Вера его не поддержала, и кто-то завел волынку про Афганистан. Мол, друг знакомого моего троюродного брата вернулся оттуда и рассказал, что гибнет там уйма нашего народа. Трупы вывозят самосвалами... Не любил Лёпа этих разговоров —

ведь никто ничего не знает, а тренькает, как старухи на завалинках. Чего рассуждать о том, чего не знаешь.

— Вот и плохо, что не знаем, — Вера вдруг рассердилась. — Просто нам там делать нечего! Никто нас туда не звал!

— А как же интернациональный долг? — запальчиво возразил Малай. — У них там контрреволюция!

— Сами они со своей контрреволюцией разберутся!

Спор завязался нешуточный. Когда тема завяла, Лёпа зачем-то ляпнул, что мать пристаёт с техникумом, а есть возможность в депо перейти на хорошую зарплату. Все начали спорить. А Вера говорит, деньги не главное, с образованием будут и деньги. Тут все еще сильнее заспорили, прямо гвалт поднялся.

Лёпа вышел из беседки, посмотрел на небо, а там звезд — пропасть! Слышит, Вера за спиной говорит:

— Млечный Путь сегодня — загляденье.

Тут и Колесик вышел. Ребята в беседке как с цепи сорвались, спорят, кричат, а Вера Лёпе с Колесиком созвездия показывает: это Кассиопея, это Андромеда, левее Большой Медведицы — Гончие Псы, а там вон, на западе, белая яркая — Венера. Уже совсем низко, скоро зайдет... А самая яркая звезда в нашем полушарии во-он та, ниже Гончих Псов — Арктур, смотрите, как мерцает...

Действительно — красиво. А Лёпа кроме Большой Медведицы да Полярной звезды ничего и не помнит уже, хотя в школе в восьмом классе в кружок астрономии ходил.

Потом Колесик пошел провожать Веру домой, и, уходя, она сказала Лёпе:

— Поступай в техникум, обязательно поступай.

Дома все уже спали; Лёпа напился из-под крана холодной воды, потихоньку разделся и лег. В окно тыкалась сирень, сквозь листья были видны звезды, но не так много, потому что на углу горел фонарь.

Какой хороший день получился, думал Лёпа, пытаясь разглядеть сквозь сирень Арктур. Все-таки суббота — это здорово. И, уже засыпая, подумал: правда, что ли, в техникум податься? Ленка-то одобрит. Точно.

Воскресенье

— Держи! — бабка протянула Лёпе узелок. — Иди на выселки, там какой-нить шофер тебя подберет. Скажи только, что обед дядьке-комбайнеру везешь.

Лёпа знал, что в чистом узелке большая горбушка ржаного, яйца в русской печке печеные, огурцы, картофелин несколько штук, опять же печеных, бутылка молока, тряпочкой или газеткой заткнутая, соль в спичечном коробке.

Лёпа любил эту пору, любил бывать в поле, по которому красными и синими кораблями плыли комбайны. Садились тут же у комбайна и прямо на стерне обедали. Фуфайку засаленную какую-нибудь бросишь, чтобы не кололась...

Ждать попутной машины Лёпа не стал, пошел к дядьке пешком, напрямки недалеко поле-то. Правда, идти придется через колдовской холмик — есть такое место, про которое говорили, что там плохо что-то. Ну, старались туда без дела не ходить. Лёпа посмеивался, конечно, над этим. Гагарин в космос слетал, а тут такие суеверия, косность. Лёпа бодро шел

по пыльной тропинке, прутиком сшибая голубоватые головки цикория, шлепая кедами по пыли и беспечно насвистывая. Тропка вывела его на круглый холм — то самое «нехорошее место» — на холме кольцом березы, внутри кольца — поляна, тоже круглая, с высокой густой травой. В центре поляны Лёпа остановился, поставил узелок и повалился в шелковую траву. Ласково шелестели высокие стройные березы, небо синело ярким кругом над головой в зеленой кайме, в вышине заливались невидимые жаворонки, а где-то над ухом гудел шмель — благодать! Лёпа смотрел, как легкие облачка по небу бегут, слушал кузнечиков, вдыхал аромат травы и близкого хлебного поля. Неподалеку стрекотали комбайны, машина гуднула... И Лёпа вдруг понял, что вот это вот и есть счастье. Вот вечно так все шло бы и шло. А что будет дальше — хорошее?

И только он это подумал, как все изменилось. Главное — тишина. Полнейшая. И так все странно: ни кузнечиков, ни жаворонков не слышно, трава замерла, березы застыли... Лёпе словно уши заткнули, или будто он на дне озера оказался. Странное дело — ветер стих, а облака по небу в три раза быстрее несутся, даже кажется, что облака на месте стоят, а это поляна вместе с Лёпой летит куда-то! А, главное, пошевелиться Лёпа не может, даже головы не повернуть. И тут из-за берез показалась высокая, очень высокая женщина в белом балахоне с капюшоном и пошла по Лёпиной тропинке. Сердце у него заколотилось, только бы не заметила! А она вдруг лицо к нему поворачивает, а лица... нету! То есть что-то есть, как бы и глаза, и рот, и даже прядь волос из-под капюшона, но размыто, словно сквозь марево, — не узнать. Лёпа весь потом холодным облился, и при этом его в жар бросило! А женщина шаг как будто призамедлила, и в голове у Лёпы такое началось — не опишешь. Тут женщина капюшон скинула, смотрит Лёпа, а на лбу у нее пятна, она руку подняла, а на кисти нескольких пальцев нет. Вдруг как дунуло, гул пошел, каменное небо стало стремительно падать, Лёпа задохнулся, силясь закричать, и... проснулся.

Какое-то время не мог поверить — сон? Потом глянул на часы: проспал!

В панике вскочил с постели и, скача на одной ноге, принялся натягивать штаны. Ну, надо же, проспал! Плеснув в лицо холодной водой и выхватив на бегу из холодильника бутерброд с сыром, вылетел из квартиры. На улицах было пусто — понятно, все уже на работе. Вот не хватало! — ругал себя Лёпа, ускоряя ход. Мастер мужик хороший, но к опозданиям относится... И вдруг резко — словно на стеклянную стену наткнулся — остановился: болван, сегодня же воскресенье! Тьфу ты! Он медленно побрел обратно.

Неспешно позавтракав, Лёпа вышел во двор, присел на скамеечку под старым тополем. Все не шел из головы дурацкий сон. Бабка сказала бы — не к добру...

К Лёпке «на смотрины» идти после обеда. Родичи уехали в деревню за братьями. Делать было нечего. Из соседнего двора пришел Малой, присел рядом.

— Ну как, тебе еще никто не навалял за Черного человека? — ухмыльнулся Лёпа.

Малой беспокожно оглянулся:

— Вот трепачка Натаха, разболтала всем! Баба она и есть баба...

Хлопнула дверь подъезда, и вышел дядя Коля, присел, закурил.

Соседский пацан перестал, наконец, гонять «Битлов» и поставил другую пластинку.

— О, «Цыганочка»! — оживился дядя Коля. — Из фильма «Начало». И фильм хороший, и музыка...

— Это не цыганочка, — мотнул головой в сторону раскрытого окна Малой, — это группа такая «Шидоуз»

— Да не «Шидоуз», а «Шедоуз», — нехотя поправил Лёпа. Мысль о том, как будет знакомиться с Ленкиной матерью, как все это пройдет, неотвязно висела на заднем плане, и он никак не мог вытряхнуть ее из головы.

Двор постепенно наливался жарой. Вдруг хлопнула дверь, раздался крик:

— Джек, стоять! Стоять, тебе говорят!

Из-за угла, истошно квохча, вперевалку пробежала курица, за уврачивающейся курицей веселой припрыжкой неся породистый пес жильца из седьмой квартиры — художника Аполлонова, за псом, неловко спотыкаясь, семенил сам Аполлонов, за художником с прутьяной метлой мчалась хозяйка курицы Анна Ивановна. Смотреть на это было забавно.

— Вот упрощенный пример нашей жизни, — прокомментировал происходящее дядя Коля. — Все бегут, много азарта, шума и энергии. А зачем? На самом деле Джеку курица не нужна, Аполлоныч его покормил, и он сыт. Аполлоныч знает, что Джек курицу не съест, но ему неудобно перед Ивановной. И Ивановна знает, что пес курицу не съест, но ее раздражает интеллигент-художник, который ни хрена не работает, только картинку малюет, а деньги загребает лопатой, и пес у него мясо жрет.

Курица, наконец, ухитрилась проскочить в щель под дверью сарая, пес удовлетворенно гавкнул и побежал спасаться от наигранного гнева хозяина к его жене, а Анна Ивановна, стукнув метлой по дворовой пыли, вроде бы про себя, но так, чтобы слышали все, пробормотала:

— А еще очки носят... нтилигенты...

Двор сонно затих. Помолчали. Потом дядя Коля вздохнул:

— Да-а, жизнь тянется до-олго, а пролетает в одно мгновение.

— Вот новый анекдот, — оживился Малой. — Упала вилка на пол и да-а-авай валяться!

Лёпа хмыкнул и встал:

— Пошли Малой купца резать!

— Кого резать? Какого купца? — удивился дядя Коля.

— Да купаться, дядь Коль, — засмеялся Малой. — Пошли...

На пляже было уже не протолкнуться — воскресенье. Вчерашняя компания едва ли не в полном составе расположилась почти у самой воды. Кто-то достал карты. Лёпа плавал, валялся на горячем песке, снова прыгал с разбега в воду, бегал за мороженым, снова плавал, но, ясное дело, думал о Ленке, о том, как поладит — и поладит ли — с ее мамашей. Он так никому — ни родителям, ни друзьям — ничего и не сказал. Успеется.

Однако пора было идти «на смотрины». Дождавшись, когда высохнут трусы, Лёпа принялся одеваться.

— Куда ты? — спросил Малой.

— Так, по делу...

У Ленкиного дома Лёпа поболтался немного по двору, посидел на скамейке и — делать нечего — вошел в подъезд.

На лестничной клетке Лёпа замялся. Дверь была слегка приоткрыта, и из глубины квартиры доносился раздраженный голос Ленкиной матери:

— Я тебе удивляюсь! Нашла себе пару — троечник и хулиган, я Лебедевой в школу звонила, говорит, оторва оторвой. С дружками комсорга в унитаз головой макнули, их едва из школы не выгнали. И не смейся! Ничего смешного в этом нет! Или ты такая же... простая... Тебе учиться надо, а не романы заводить...

Послышался невнятный Ленкин голос, но что она говорила, Лёпа не разобрал.

— Знаешь что, — оборвала ее мамаша, — дело твое, хочешь себе жизнь испортить — пожалуйста! Локти только потом не кусай. Локотокто, он близок, да не укусишь.

Лёпа повернулся и медленно побрел из подъезда.

Можно было бы отправиться к Колесику или к Малышу двинуть, но он понял, что разговаривать нет никакого желания, а прийти и сидеть молча — глупо. Пошел на реку — плавать. Знакомых на пляже уже никого не было. А ему и не нужно. Разделся, плюхнулся в теплую воду и принялся нарезать круги — до висячего моста, потом до лодочной станции, до отмели детского пляжа и обратно к висячему. Мысли не отпускали. Впервые река не принесла успокоения. Плавал до тех пор, пока от голода не засосало под ложечкой...

Вечером, совсем уже поздно, в дверь постучали. Открыл отец:

— Лёпа, к тебе.

Ленка — догадался Лёпа.

Она взяла его за руку и потащила на улицу.

— Ну, что случилось? — Зеленые глаза ее потемнели во влажный малахит. — Почему не пришел?

Лёпа решил — будь что будет! Сказал, как есть:

— Я случайно ваш с матерью разговор услышал... Не подслушивал, дверь была открыта, я не успел постучать...

Ленка помолчала, потом взяла его под руку:

— Пойдем, погуляем.

Они шагали по пустой дорожке к реке и висячему мосту. Спелая августовская ночь все гуще наваливалась на город, из низины тянуло туманом, попискивала какая-то пичуга в темноте. На середине моста они остановились, оперлись на перила, смотрели, как в аспидной воде отражаются красные огоньки телеантенны с колокольни. Ленка повернулась спиной к перилам, выставив острые локти, скосила глаза на угрюмого Лёпу:

— Ты пойми... Тут такое дело, мать-то в разводе, папашка бросил нас, когда мне годика три было... Ну вот она и трясется надо мной. Но она тебя не знает, и она немного от простой жизни оторвалась, и хочет мне жениха с образованием, с положением. Ну, понимаешь... Она ведь, знаешь, как наверх пробивалась...

— То есть, если я наверх не хочу, значит, я тебе не пара, — в Лёпе плавилась обида. — А я как Гоша, который из кино «Москва слезам не верит», не хочу быть начальником.

— Ну, ладно, «Гоша»... Мать-то пусть как хочет к этому относится,

главное-то, как мы друг к другу относимся, разве нет? Я вот знаешь, что сегодня поняла, после спора с мамкой и после того, как ты не пришел?

— И что же?

— Что я тебя люблю, дурак!

Помолчала, потом заглянула Лёпе в глаза:

— А ты?

Лёпа откачнулся от перил, повернул девчонку к себе, твердо сказал:

— И я тебя люблю!

Они бродили по городу, заходили в случайный подъезд целоваться; спугнутые жильцами, шли в другой. Улица за улицей, переулок за переулком город окружал их августовским теплом, знакомыми звуками и запахами. В этом вот коттедже жил странный человек Андрей Сахаров, а там вон, за горящим окном, задумался о чем-то ученый Харитон, а здесь Лёпа лет в семь на велосипеде не вписался в поворот, влетел в забор и вывихнул руку. А дальше — Дом ученых, а в другой стороне — деревянный особнячок ЗАГСа...

Незаметно для себя добрели до парка. Где-то за деревьями шумела, а потом стихла танцплощадка, значит, пошел двенадцатый час. Они сидели на скамейке под старыми липами и молчали. А о чем говорить — все нужное сказано. И Лёпе нравилось, что можно вот так сидеть в обнимку и молчать, и молчание это не тяготило, а, наоборот, наполняло душу теплом и тихой радостью. Лёпа смотрел на мерцающий Млечный Путь, слушал затихающее дыханье города и думал о том, что все-таки поступит в техникум, а потом, может быть, даже и в институт. И в Крым они поедут дикарями, в палатке будут жить у самого синего моря. И поженятся, несмотря на недовольство Ленкиной матери. Никуда она не денется, когда узнает кое-что...

Жизнь-то ведь, если подумать, в целом вокруг хорошая. Интересная жизнь. Нужно только это понимать.

И, в общем-то, неплохо, что все так и будет еще долго-долго.

Всегда.

Вечно...

